

Современность и археология

Международные чтения,
посвященные 25-летию
Староладожской археологической
экспедиции

Санкт-Петербург
ИПК «ВЕСТИ»
1997

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СТАРОЛАДОЖСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
ИНФОРМАЦИОННОЕ БЮРО СОВЕТА МИНИСТРОВ
СЕВЕРНЫХ СТРАН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Современность и археология

Международные чтения,
посвященные 25-летию
Староладожской археологической
экспедиции

(ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ)

Санкт-Петербург
ИПК «ВЕСТИ»
1997

Под редакцией
В. Н. Климова,
А. Н. Кирпичникова,
В. С. Пономарева

Издание финансируется
Правительством Ленинградской области

Современность и археология

**Международные чтения,
посвященные 25-летию
Староладожской археологической
экспедиции**

Технический редактор Г. В. Преснова
Корректоры: Г. П. Быстрова, Л. В. Мезенцева
Компьютерная верстка Р. А. Быстрова, Л. Г. Иванова

Лицензия Мининформпечати РФ ЛР № 040511 от 29.07.97.

Сдано в набор 10.10.97. Подписано к печати 20.10.97.
Формат 60 × 84^{1/16}. Гарнитура SchoolBook. Усл. печ. л. 6,05.
Тираж 400 экз. Заказ № 0917.

Издательско-полиграфический комплекс «Вести»
193311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3.

Содержание

Современность

<i>В. А. Густов.</i> Возрождение России начнется с Ленинградской области	5
<i>В. В. Иванов.</i> Гуманитарная деятельность Законодательного собрания Ленинградской области	7
<i>А. В. Воронцов.</i> Крестьянская культура	8
<i>В. Б. Богуш.</i> Трудное время культуры в Ленинградской области	11
<i>В. П. Третьяков.</i> Издания о Ленинградской области. <i>Аналитический обзор</i>	15
<i>А. Хедман.</i> Деятельность Информационного Бюро Совета Министров Северных стран в Санкт-Петербурге	17
<i>Л. А. Ходченкова.</i> Благотворительная деятельность Санкт-Петербургского отделения Фонда Мира	19
<i>В. Д. Густова.</i> Деятельность Российского детского фонда (Ленинградского областного отделения)	20
<i>А. М. Белицкий.</i> Волховский район в борьбе за выживание	21
<i>Н. М. Волчкова.</i> Культурная жизнь Волхова	25
<i>М. М. Данилькевич.</i> Акционерное общество открытого типа «Волховская сельхозтехника» — рыночные программы одного предприятия в Старой Ладогe	29
<i>Л. А. Губчевская.</i> Староладожский музей-заповедник сегодня и завтра	31

Археология, история, культура

<i>В. М. Массон.</i> Северный центр восточнославянской цивилизации в балтийском контексте	34
<i>А. Н. Кирпичников.</i> Старая Ладога в свете новых историко-археологических изысканий. К итогам работ Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Российской Академии Наук в 1972—1997 гг.	37
<i>Е. А. Рябинин.</i> Заметки о ладожских древностях (О «двух культурах» раннесредневековой Ладогe)	46
<i>Е. Н. Носов.</i> Городские центры Поволховья и проблемы урбанизации Северной и Восточной Европы в эпоху раннего средневековья	49
<i>В. А. Назаренко.</i> Ладожские «большие дома» и «приладожские «дома мертвых». (Об одном из возможных решений проблемы)	52
<i>О. И. Богуславский.</i> Ладога и Приладожье	56
<i>О. И. Давидан.</i> Староладожские древности в Эрмитаже	60
<i>З. Д. Бессарабова.</i> Набор весовых гирек из сопки 15-1 у Старой Ладогe	63
<i>Н. И. Платонова.</i> Средневековый могильник на Земляном городище Старой Ладогe	67

Д. А. Мачинский. Волховская Русь (VIII—IX вв.)	71
С. Л. Кузьмин. Волховские пороги в древности и средневековье	75
С. В. Белецкий. Ладога и Псков в XII—XV вв. по данным сфрагистики	77
А. Е. Мусин. История Ладоги как памятник российских церков- но-государственных отношений	82
А. В. Плохов. Связи между Скандинавией и Поволховьем по керамическим материалам	85
Б. Г. Васильев. К вопросу о взаимосвязи фресок Готланда и Древней Руси	87
М. Ф. Ягодзинский. Открытие и исследование древнего города южной Прибалтики Трузо	89
И. В. Дубов. Летописный Ростов — столица Ростовской земли	91
П. Уйно. Древняя Карелия. Археологические исследования .	93
И. А. Сакса. Древняя Карелия в IX—XIII веках	95
П. Е. Сорокин. Древнерусский корабль	96
А. А. Селин. Новые исследования по исторической географии Ладожского уезда	98
Н. В. Малышева. Ботаническое изучение Земляного городища в Старой Ладоге	102

Современность

В. А. Густов

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ НАЧНЕТСЯ С ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ленинградская область занимает исключительно выгодное геополитическое положение. Издревле через эту территорию осуществлялись связи Руси-России с европейским миром, в особенности, странами региона Балтийского моря. Этот исторический период охватывает не менее двенадцати веков, в нем отразилось стремление славян и русских «ногою твердой стать у моря», получать свободный выход к международным торговым путям, открытой экономике, беспрепятственному общению людей разных стран.

Вековое движение к Балтике запечатлено строительством городов. Выдающийся пример — город Ладога, ныне Старая Ладога, в IX веке первоначальная столица Руси. Здесь были заложены основы русской государственности, а скандинавский выходец Рюрик стал во главе союза славянских и финских племен. В этом месте произошла историческая встреча народов и культур Запада и Востока. Дальняя торговля, неограниченное предпринимательство, бесконфликтные отношения славян, финнов, скандинавов, арабов и других народов, веротерпимость, постоянное взаимообогащение техническими достижениями — способствовали небывалому подъему экономики и расцвету городской жизни. Можно сказать, что на примере Ладоги мы видим, как еще 1000 лет тому назад создавалась единая Европа без границ, запретов и барьеров, без национальных предрассудков. Как актуальна эта модель развития общества и в наши дни.

Присутствие русских в северо-западных прибалтийских землях выдержало суровое испытание в XIII веке. Великий князь Александр Невский во главе народного войска не только защитил северные границы, но и отстаивал ее право быть открытой миру морской державой. Была сохранена целостность государства и подтверждено евробалтийское единство народов с участием Руси.

Окончательно победил балтийский выбор России при Петре I, который не только освободил невско-приладожские земли, но и в 1703 году заложил в устье Невы Санкт-Петербург, ставший после Ладоги и крепости Орешка своеобразным широким «окном в Европу».

Заветы русских государей мы стремимся приумножить в наше сложное время. Геополитическая значимость Ленинградской земли реализуется сегодня в программе обновления и развития хозяйства и культуры северо-западного региона. Начинается строительство портов в Усть-Луге и бухте Батарейная Финского залива, а также нефтяного терминала в г. Приморске. Россия получит огромную выгоду, отправляя грузы через свои порты, а для жителей области будут созданы дополнительные рабочие места. Мы не допустим изоляции страны и региона от внешнего мира. Не стану приводить данные о возрождении промышленности, сельского хозяйства, образования и культуры. Обстановка начинает, правда, медленно, но все же меняться к лучшему.

В завещанной нам отцами и дедами исторической традиции близости балтийских стран мы черпали дополнительные силы в деле возрождения Ленинградской области. Не последнее значение здесь имеет культура и наука. С помощью ученых хотелось бы расширить евробалтийское гуманитарное сотрудничество. Русская духовность и отечественное культурное наследие привлекает весь мир, что еще недостаточно оценено и известно.

Археологи, историки, архитекторы, реставраторы, музейеведы результативно работали на территории Ленинградской области. Ныне масштаб этой работы, к сожалению, сократился, уверен, временно. Я внимательно слежу за открытиями подвижников культуры и стараюсь поддерживать изыскания этих людей, каждый год открывающих новые страницы нашей истории. Политика и гуманитарная наука после долгих лет идеологического недоверия начали наконец объединяться в общероссийских целях. Мы вновь обращаемся к своему прошлому, в котором находим опору строительства будущего.

Приветствую коллектив Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры в связи с 25-летием ее результативной деятельности. При всей сложности положения мы стараемся финансировать ее работу. Найденные в этом сезоне находки выдающегося европейского художественного уровня убеждают — деньги потрачены не зря. Итогом 25-летних раскопок явилась книга: «Старая Ладога — древняя столица Руси» авторов А. Н. Кирпичникова и В. Д. Сарабьянова

(АО «Славия», 1996). Этим изданием, осуществленным на средства Правительства области, мы начинаем публикации серии книг, посвященных памятникам Ленинградской земли. Настало время собирать священные камни отечественной культуры и тогда она, смею думать, спасет мир.

В. В. Иванов

ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Законодательное собрание Ленинградской области, избранное 20 марта 1994 года в соответствии с новой Конституцией Российской Федерации, — субъект принципиально новой представительной власти. Впервые в России возникло понятие регионального законодательства.

В составе собрания 7 комиссий, одна из них — комиссия по социальным вопросам — профильная, остальные так или иначе связаны с гуманитарной деятельностью. В числе 25 депутатов собрания два врача, два журналиста, один преподаватель колледжа.

В деятельности собрания можно выделить два направления: собственно нормотворческое (например, Законы области «О социальной защите населения Ленинградской области», «О благотворительной деятельности в Ленинградской области», «О дополнительных мерах государственной поддержки средств массовой информации, полиграфии и книгоиздания в Ленинградской области», «О предоставлении льгот проживающим в Ленинградской области участникам разминирования территории бывшего Союза ССР в период с 1943 по 1950 годы». Их названия не нуждаются в дополнительных комментариях), а также организационно-практическое. Во второй сфере можно выделить работу собрания по организации и проведению празднования дня иконы Тихвинской Божьей Матери в поддержку возвращения православной святыни на родину, финансовую, рецензионную и моральную помощь группе создателей Книги Памяти, посвященной участникам военных действий в Афганистане в 1979—1989 годах, в выпуске книги стихов тосненского поэта Николая Рачкова, участие в слушаниях, проведен-

ных Государственной Думой по проблемам Старой Ладогги, финансовую помощь Областному отделению Российского Детского фонда и ряд других проектов.

Совершенно особую сферу представляет собой участие собрания в деятельности Северо-Западной Парламентской Ассоциации — объединении, учрежденном органами представительной власти 11 субъектов Северо-Запада России. В числе шести комитетов Ассоциации есть комитеты: по экологии, по социальным вопросам, по межрегиональным и международным связям. Таким образом координируется нормотворческая и организационная работа депутатского корпуса Северо-Запада в гуманитарной сфере.

А. В. Воронцов

КРЕСТЬЯНСКАЯ КУЛЬТУРА

Крестьянство на протяжении веков было самой многочисленной частью населения России. Оно внесло значительный вклад в материальную и духовную культуру. Произведения народного творчества — песни, танцы, сказки, пословицы, былины, художественная резьба, лепка, вышивка, живопись, народная архитектура и т. д. — все это создано коллективным творчеством народа. Крестьянскую культуру и ценности составляют орудия труда, культура земледелия, его быт, лучшие моральные и нравственные качества человека труда и многое другое.

Из крестьянства выходили выдающиеся ученые, писатели, изобретатели, художники, артисты и т. п. Великий русский ученый М. В. Ломоносов — сын рыбака-крестьянина, первый паровоз в России создали крепостные Е. А. и М. Е. Черепановы, выдающийся русский актер Щепкин и украинский поэт Шевченко — сыновья крепостных и сами были крепостными, братья Аргуновы — русские живописцы-портретисты, крепостные графов Шереметевых, известный скульптор С. Т. Коненков называл себя «ельнинским пастушком».

Однако к крестьянству нельзя подходить как к однородной массе и тем более рассматривать его вне исторических рамок. В России было и крепостное право при феодализме, на смену которому пришел капитализм, был и переходной период от капитализма к социализму. Складывающийся сейчас общественный строй многие ученые, не без основания, называют номенклатурным капитализмом.

Изменения в общественном укладе страны и крестьянства в частности, не могли не повлиять на его образ жизни, культуру и ценностные ориентации.

Уже в условиях феодального строя мы вправе говорить о вполне сложившихся элементах культуры крепостных крестьян и городских ремесленников. У крепостного крестьянина на смену рабской ненависти к труду появились элементы известного уважения к своему собственному делу, что особенно отчетливо выразилось в фольклоре. Образ богатыря-ратая Микулы Селяниновича проходит через все русское народное творчество. Свободные ремесленники городов создают замечательные художественные ценности, вкладывая в свой труд свойственное человеку стремление к красоте. Народное творчество, несмотря на тяжелое положение крепостного крестьянства, характеризуется оптимизмом, утверждением жизни, верой в силу человека и могущество его разума. Героями народного творчества являются люди труда и подвига, носители идеи человечности, неустрашимые борцы за правду.

Через все художественное творчество народа проходит сокровенная мечта о создании жизни, достойной человека. Многочисленные народные обычаи, празднества и обряды, чуждые христианскому аскетизму, отрешенности от жизни, воспевающие красоту природы и человека, сохранили свое значение и для наших дней. Народное творчество было неисчерпаемым источником для развития всей культуры. Сюда уходят своими корнями философия, музыка, танцы, театр, поэзия и т. д. Известны слова великого русского композитора М. Глинки, что создает музыку народ, а мы, композиторы, ее аранжируем.

Расслоение крестьянства, процесс «раскрестьянивания» в условиях капитализма означает коренное разрушение старого патриархального общинного крестьянства и создание новых типов сельского населения. Развитие капитализма в деревне в значительной степени повлияло и на быт старой патриархальной крестьянской семьи, где, по выражению Гурвича, «дух индивидуализма восстал против прежнего коммунистического порядка»

Капитализм с его фабриками заводами, железнодорожными и водными путями сообщения, почтой и газетами разрушает прежний старинный уклад жизни крестьянина с его вековой неподвижностью и рутинной, повышает сознательность и самостоятельность. Особенно важным фактором повышения культуры крестьян является рост городов, пригородов, фабрично-заводских и торгово-промышленных сел в течение пореформенной эпохи. Признавая культурный и технический прогресс деревни при

капитализме, следует отметить, что этот прогресс сопровождался также и «прогрессом» противоречий. Одним из таких противоречий был все больший разрыв города и деревни, диспропорция в их культурном развитии.

Было бы неверным изображать социалистический период развития нашего общества только в негативных тонах.

Культурная революция (которая, замечу, так и незавершилась) призвана была решить две группы взаимосвязанных задач: а) преодолеть отчуждение между культурой и народом и приобщить народ к сокровищам культуры прошлого и современности; б) предоставить максимум возможностей для непосредственного участия человека в творческой деятельности.

Огромная работа была проведена по ликвидации неграмотности и росту общеобразовательного уровня крестьянских масс, созданию широкой сети школ и культурно-просветительных учреждений. Нельзя не отметить роли культурно-шефской помощи города селу, роли сельской интеллигенции в культурном подъеме деревни. Проведенные нами в начале 80-х годов и 90-х годах социологические исследования в ряде областей, в том числе Ленинградской области, показали, что деревня была и остается хранилищем самобытного народного творчества, развития художественной самодеятельности, возрождения многих народных обычаев и традиций. Возьмем, к примеру, Ленинградскую область, которая отметила в 1997 году 70-летие своего образования. Программа развития сферы культуры Ленинградской области на 1996—2000 годы ставит задачи: сохранения и развития художественных ремесел; изучения и сохранения фольклора и фольклорных традиций, сохранения и развития национальных культур и т. д.

Несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию в области, отмечается устойчивый рост участия населения в художественной самодеятельности: на сегодня функционирует 2549 любительских коллектива, в которых занимается более 70 тысяч человек. В 1997 году в области прошли областные праздники «Женщина года Ленинградской области» и «Мой родимый край», в котором приняли участие более 30 коллективов художественной самодеятельности из разных уголков Ленинградской области. Многие сельские коллективы участвовали в областном фестивале творчества пожилых людей «На земле жили-прожили мы не зря». Если проанализировать состояние дел в народном творчестве за последний период, можно проследить тенденцию не просто к стабильности, но и к его росту, повышению активности любительских

художественных коллективов во всем регионе. В 1993 году коллективов, имеющих звание «Народный», насчитывалось 95, в 1996 г. — 156, в 1997 г. — 173. Многие сельские творческие коллективы имеют богатые традиции. Недавно отпраздновали свое 40-летие Соминский народный хор Бокситогорского района, 50-летие — народный хор Мгинского дома культуры, 20-летие — академический хор муниципального Дворца культуры г. Выборга.

Эти традиции подкрепляются тем, что в Ленинградской области широко развито детское художественное творчество. В 1997 году прошел областной фестиваль «Молодые дарования» детских и юношеских коллективов. Смотры прошли во всех районах области. Из года в год растет количество кружков, студий, других формирований в жанре изобразительного и декоративно-прикладного искусства. В этом жанре только в 1996 году работало 262 кружка с количеством участников 3928 человек. В том числе в Гатчинском районе — 29, Сланцевском — 24, Бокситогорском — 22, Лодейнопольском — 19.

В области широкое развитие получают народные художественные промыслы и ремесла: Лодейном Поле, Отрадном, Кировском районе — плетение из ивового прута, Лужском районе — гончарное и бронзолитейное дело; в Тихвинском, Бокситогорском и Лодейнопольском — резьба по дереву; школа ремесел в пос. Лебяжье Ломоносовского района. За последние годы происходит заметное оживление национально-культурных центров: вепсов в пос. Винницы Подпорожского района, финнов в пос. Калитино Волосовского района, карелов в Лодейнопольском районе, угрофинских народов в Гатчинском и Всеволожских районах, ижорского народа — в Кингисеппском районе, центре славянской культуры в Волосовском районе. Празднично проходят традиционные обрядовые праздники «Древо жизни» — (праздник вепской культуры, фольклорные праздники «Иван Купала», праздник «Венок славы Александра Невского» и др.).

В. Б. Богуш

ТРУДНОЕ ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Культурный потенциал Ленинградской области чрезвычайно высок и главная задача комитета по культуре в жестких условиях финансового дефицита — сохранение

этого потенциала. Сегодня существуют три фактора, позволяющие выполнить эту задачу: первый — это «Программа развития сферы культуры Ленинградской области на 1996—2000 годы». Программа, которая ежегодно корректируется, к сожалению, в сторону уменьшения финансовых затрат, но главное — позволяющая определить приоритеты и концентрировать моральные и материальные средства в направлении «главных ударов». Второй фактор — финансовое обеспечение реализации программы. Третий фактор — кадровый потенциал. В программе представлены все основные направления деятельности комитета: 1. Сохранение и освоение историко-культурного наследия. 2. Поддержка исполнительского искусства. 3. Развитие сферы культурно-досуговой деятельности. 4. Развитие кадрового потенциала сферы культуры. 5. Международные культурные связи.

Работа по целевой программе позволила сохранить, в основном, сеть учреждений культуры области, кадровый потенциал, памятники истории культуры. В настоящее время в области насчитывается около полутысячи библиотек, свыше пятисот клубных учреждений, 120 музыкальных, художественных и школ искусств, десятки музеев, 6 профессиональных театров (имеются и другие концертные организации), более 2,5 тысяч коллективов народного творчества и любительских объединений, в которых занимается более 70 тысяч человек. На территории области находится более трех тысяч только взятых на учет историко-культурных памятников, не говоря уже о памятных местах и захоронениях времен Великой отечественной войны. В Ленинградской области насчитывается около 400 церквей, в том числе 18 монастырей, 93 действующих православных храма Санкт-Петербургского епархиата.

К настоящему времени практикой выделилось несколько приоритетов. В первую очередь, это необходимость сохранения и реставрации памятников культуры и искусства. Второй приоритет — дети и культура, работа с несовершеннолетними, инвалидами, особо одаренными детьми и членами многодетных семей. Третий приоритет — сохранение и развитие народного творчества и ремесел с учетом многонациональной структуры населения. Самое сложное, если не катастрофическое, положение сегодня — сохранение памятников. С 1995 года финансирование по этому разделу было практически прекращено. По федеральному бюджету в 1996 году из заявленных 97 млрд. рублей было получено около 400 млн. руб. только на детей-инвалидов и больше ни копейки.

В текущем году на 17 подпрограмм было заявлено в федеральной программе 49,2 млрд. руб. После ряда корректировок работниками министерства культуры России было утверждено 8 млрд. 954 млн., из них 7 млрд. 280 млн. на сохранение культурного наследия. На сентябрь этого года получено 150 млн. руб. на библиотеку Аалто (благодаря финской стороне, которая отказалась финансировать проект в одиночку). В этих условиях говорить серьезно о сохранении и реставрации памятников, не говоря уже о их музеефикации и эксплуатации, не представляется возможным. Трудно и спланировать работу, а тем более, реализовать много раз продуманную и прорасчитанную стратегию.

В результате, заключая договоры с подрядчиками в расчете на планируемое финансирование, комитет и его подведомственные учреждения оказываются финансово несостоятельными. Приходится неустанно повторять, что на территории нашего региона находятся уникальные памятники общенационального и международного значения. Это прежде всего и Старая Ладога, едва ли не самый древний город северо-западной Руси, с которым в значительной степени связано зарождение русской государственности. Уже в VIII в. здесь шла интенсивная ремесленная и торговая жизнь, она оказалась центром взаимодействия разнородных культур. Предание сообщает, что именно в Ладоге в 862 году имел свой первый престол варяжский конунг Рюрик, затем перебравшийся на княжение в Новгород и основавший русскую великокняжескую династию, которая правила Русью до конца XVI века. В этом поселении находится церковь Святого Георгия, поставленная здесь в XII веке. Ее одной хватило бы, чтобы считать Старую Ладогу уникальным объектом. Перечень можно дополнить и единственным в России средневековым замком-крепостью в Выборге, крепостями Орешек, Корела, Ивангород, Пушкинскими местами, которые в преддверии двухсотлетия со дня рождения А. С. Пушкина приобретают особый смысл, усадьбами Демидовых, Олениных, памятниками Межозерья и многим-многоими другими.

Единственное, что вызывает оптимизм и надежду сегодня — это политика областного Правительства и лично Губернатора Вадима Анатольевича Густова, которые в условиях финансового дефицита находят, пусть минимальные, но реальные средства на сохранение памятников истории и культуры. Это распоряжения губернатора о выделении средств на нужды музея-заповедника в Старой Ладоге, на работы по Тихвинскому монастырю, церкви

Николая Чудотворца в Кобоне, археологические раскопки, проводимые экспедицией Института истории материальной культуры РАН в Старой Ладогe, и т. д.

Что касается работ по федеральному бюджету, они определены и не хватает только средств для их реализации. Говоря о двух других, упомянутых выше приоритетах — дети и развитие народного творчества и ремесел, нельзя обойти вниманием центральное событие 1997 года — это 70-летие Ленинградской области. Подготовка и проведение празднования как нельзя лучше показало состояние отрасли культуры в целом. Десятки районных и областных праздников, фестивали народного творчества, декады искусства, кинофестивали, концертные программы, выступления фольклорных коллективов, в том числе малых народностей, открытие филиалов профессиональных театров в муниципальных образованиях, детские фестивали, выставки, отчетные концерты показали не только массовость и мастерство участников торжеств, но и высокую творческую потенцию жителей Ленинградской области в целом. Центральный праздник в Октябрьском зале, в котором кроме профессионалов участвовало более одной тысячи артистов самодеятельных коллективов, яркое тому подтверждение.

Говоря о состоянии культуры в области, о ее трудных временах, нельзя обойти молчанием тех, благодаря кому она жива. Это удивительные люди, которые за символическую плату, которую и получают-то с большой задержкой, несут радость окружающим, помогают не выживать, а жить полнокровной, творческой жизнью. Это библиотекари, работники музеев, клубов, преподаватели музыкальных и художественных школ, руководители творческих коллективов, археологи, реставраторы, работники областных культурных учреждений, служащие отделов культуры муниципальных образований и многие другие. Причем по уровню высококвалифицированных специалистов область занимает одно из первых мест в России. Из работающих в системе более 6 тысяч человек — 74,6% имеют высшее и среднее специальное образование, а в библиотеках этот процент достигает 84,2%. К сожалению, в культуре высокая квалификация не подтверждается адекватной зарплатой, она по-прежнему остается самой низкой и тем приятнее, что областное правительство нашло возможность увеличить с июля на 20% заработанную плату работников культуры областного подчинения с 1 по 18 разряд единой тарифной сетки и рекомендовало главам муниципальных образований последовать этому благородному примеру.

Возвращаясь к трем факторам сохранения культурного потенциала в Ленинградской области очевидно, что, во-первых, существует программа развития с четким определением приоритетов и направлений, во-вторых, высококвалифицированный кадровый потенциал, готовый к реализации этой программы. Остается третий фактор — финансирование всех уровней, пусть минимальное, но стабильное, позволяющее прогнозировать и планировать работу по сохранению и развитию сферы культуры в Ленинградской области.

В. П. Третьяков

ИЗДАНИЯ О ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аналитический обзор

Особенность информационного пространства Ленинградской области — это присутствие в нем Санкт-Петербурга. Именно Санкт-Петербург заслоняет собой Ленинградскую область как от внешнего мира, так и от собственных жителей. Постоянные социологические исследования мнения жителей области показывают, что их уровень знаний об области значительно меньше, чем уровень знаний о Санкт-Петербурге. Например, многие (от 3 до 7%) считают руководителей Санкт-Петербурга руководителями области. Именно поэтому издания о Ленинградской области решают задачу информирования жителей Ленинградской области о них самих, о их субъекте федерации, о руководителях Ленинградской области. Уровень инвестиций в субъект федерации определяется не только его географическим положением, но и тем, насколько он известен и насколько известны его руководители. Не менее важна и задача информирования о Ленинградской области и внешнего мира.

Известность также является важнейшей составляющей в туристическом бизнесе, который может существенно пополнить областной бюджет. К сожалению, в изданиях о Ленинградской области был достаточно естественный перерыв. Он начался в 1986—1987 годах с выхода книги «Ленинградская область. Исторический очерк» под научной редакцией доктора исторических наук А. Н. Кирпичникова и других ученых и книги Ю. М. и Т. М. Гоголицыных «Памятники архитектуры Ленинградской области» под научной редакцией доктора исторических наук П. А. Раппопорта. До выхода их книг достаточно

регулярно выходили как обобщающие труды о Ленинградской области, так и большое количество книг о ее городах и районах. (Серия «Города Ленинградской области»). Перерыв ознаменовался почти пятилетним молчанием, которое было прервано изданиями краеведов («Луга на рубеже веков», 1992 г., Ивлев В. В. «Всеволожский район» 1994 г. и т. д.).

Понимая важность информирования населения о Ленинградской области, а также видя сложившуюся ситуацию, Информационно-аналитическое управление в 1995 году стало инициатором изданий о Ленинградской области. В бюджет 1996 года были заложены средства на подготовку и издание ряда книг. Было задумано несколько серий изданий: 1. Памятники истории и архитектуры Ленинградской области. 2. Детям о Ленинградской области. 3. Справочно-информационная литература. Кадровые перестановки в Правительстве, а затем и смена губернатора несколько изменили реализацию издательской программы, но не прервали ее. Так, в первой серии была издана книга А. Н. Кирпичникова, В. Д. Сарабьянова «Старая Ладога — древняя столица Руси», 1996 г. Подготовлена к печати и находится в типографии книга «Введение во храм» (церкви и монастыри Ленинградской области). Идет работа над книгами «Усадьбы Ленинградской области», «Твердыни Северной Руси», «Пушкинские места Ленинградской области». Во второй серии подготовлена книга для школьников «Природа Ленинградской области», по причине плохой работы Комитета общего и профессионального образования области она не вышла в свет к 1 сентября 1997 г. Реализацией третьей серии стала публикация двух книг, вышедших к 70-летию области: «Ленинградская область», издательства «Вести» и «Славия»; «Ленинградская область — история и современность», издательство «Лики России».

Отдельно надо выделить издания издательства «Вести», которые могут смело войти в четвертую серию — «Люди Ленинградской области». Во-первых, это — тома «Книги Памяти», включая и «Афганскую память», а также книги: М. А. Поспелов «На невидимом фронте», 1997 г.; И. Ф. Салыганов «Морской арсенал на защите Ленинграда», 1997 г. и очерки о руководителях области «В зеркале времен и судеб», 1997 г.

В целом можно надеяться, что редакционная коллегия по выпуску изданий о Ленинградской области, созданная распоряжением губернатора Ленинградской области от

28 октября 1996 г. № 134-рг, и в дальнейшем сумеет системно направлять и руководить издательской деятельностью о Ленинградской области.

А. Хедман

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОГО БЮРО СОВЕТА МИНИСТРОВ СЕВЕРНЫХ СТРАН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Информационный офис СМСС в Санкт-Петербурге является посредником между Советом Министров Северных Стран и организациями, учреждениями и частными лицами Северо-Западного региона России. Своей основной задачей информационный офис в Санкт-Петербурге считает сотрудничество в сфере образования и культуры, а также участие в стипендиальных программах и обменах.

Цели, задачи и виды деятельности Бюро

Главными целями деятельности Бюро являются: укрепление и развитие сотрудничества предприятий и организаций Северо-Запада России и стран северной Европы путем координации деятельности в сферах информации, образования, науки и культуры.

Основными задачами Бюро являются:

— координация и поддержка российских, региональных и международных проектов и программ в области образования, науки, культуры, информации;

— организация стажировок и процесса повышения квалификации научных сотрудников и специалистов, преподавателей и студентов в качестве осуществления программ Совета Министров Северных Стран по обмену научными кадрами;

— оказание финансовой поддержки при проведении конференций и семинаров в указанных областях, содействие в предоставлении и получении грантов;

— создание благоприятных условий для развития сотрудничества и обмена опытом, улучшение системы связи и обмена информацией между специалистами Северо-Запада России и Северных стран;

— создание банков данных и информационных систем по основным направлениям деятельности Бюро; совершен-

ствование, развитие и пропаганда новых методик, разработанных в результате осуществления проектов и программ.

Результатом выполнения установленных задач ожидается:

— улучшение информирования Северных Стран и Северо-Запада России о совместных проектах, условиях деятельности и результатах;

— улучшение профессиональной подготовки научных кадров, преподавателей и студентов стран Северного региона и России;

— выпуск специальной литературы, совместных публикаций по соответствующим проблемам.

Для реализации уставных целей и задач Бюро осуществляет следующую деятельность:

— проводит встречи, консультации, семинары, конференции со специалистами в области информации, образования, науки и культуры Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции с одной стороны, и Российской Федерацией с другой;

— проводит сбор и анализ информации о проектах и совместной деятельности Северо-Запада России и Северных Стран в названных областях, распространяет информацию о своей деятельности;

— организует конкурсный отбор и финансирование проектов, направленных на реализацию целей и задач деятельности Бюро, на средства Совета Министров Северных Стран;

— создает филиалы, отделения, представительства в Российской Федерации, представляет и защищает интересы Бюро в государственных и общественных организациях;

— организует преподавание языков Северных Стран;

— осуществляет другую деятельность в порядке, установленном действующим законодательством и направленную на достижение уставных целей.

Основными сферами деятельности Бюро являются:

— программы обмена сотрудниками, предоставление стипендий, сотрудничество в сфере образования и культуры;

— сотрудничество в социальной сфере, в сфере здравоохранения и экологии;

— промышленное сотрудничество; сотрудничество в сфере сельского хозяйства;

— развитие инфраструктуры;

— сотрудничество в сфере средств массовой информации.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ФОНДА МИРА

Для Санкт-Петербургского отделения Фонда Мира благотворительная деятельность является основой его работы. В целях регулярной поддержки г. С.-Петербурга и Ленинградской области мы разработали несколько программ, главной из которых является программа «Забота». Она предусматривает помощь детям. Это подготовка учеников к новому учебному году, организация летнего отдыха детей из малообеспеченных семей, а также одаренных подростков. Мы помогли организовать летний отдых для ребят, которые направлялись в математический лагерь, коллективу Дома юных у Вознесенского моста в С.-Петербурге, которые ехали на фестиваль в Артек, регулярно поддерживаем Дворец творчества юных. Не один год помогаем фестивалю спектаклей новосозданных театров-студий и студийных выступлений «Рождественский парад».

Стараемся помочь жителям города и области вне зависимости от пола и возраста. Это дети, студенты, пожилые люди, малообеспеченные семьи. Нельзя забыть людей, которые в прошлом создавали наш город, а ныне влачат жалкое существование. Близки нам участники войны. Ко дням Победы осуществляем для них встречи поколений. Проводим день пожилого человека, который провозглашен ООН. Участвовали в проведении 300-летнего юбилея Российского флота и сделали свой вклад в воссоздание исторической реликвии — ботика Петра I и в сооружение памятника, посвященного 300-летию Российского флота, выполненного выдающимся скульптором Михаилом Аникушиным.

Особое внимание уделяем медицине. Помогаем ведущим клиникам города приобрести оборудование и медикаменты. Направляем помощь госпиталям ветеранов войны и военно-медицинскому, а также родильным домам городов Волхова и Кингисеппа, областной больнице, детским больницам и т. д.

Правление решило не оставлять без внимания Санкт-Петербургскую епархию. Поэтому мы приняли активное участие в реставрации Иоанновского монастыря в С.-Петербурге, церкви Св. Софии Мученицы в Вартемягах, церкви Александро-Невской лавры. Отметим, что патриарх

Алексий II, будучи членом правления Российского Фонда Мира, посещал восстанавливаемые храмы и дал высокую оценку проводимым работам. Что касается других объектов, то мы оказали содействие в восстановлении Пушкинского дома и в 1997 г. выделили средства Институту истории материальной культуры Российской Академии наук на весьма важные и результативные археологические раскопки в Старой Ладогге.

Собирать в стране пожертвования становится все сложнее и сложнее. Слова огромной благодарности мы должны высказать нашим дарителям — коллективам и руководителям Междугородней телефонной станции, Городской телефонной сети, Типографии № 12, Объединениям «Канат» и «Паляница», торговым фирмам ДЛТ и Гостинный Двор, Объединению «Большевичка». Особая признательность АО «Промышленно-Строительному банку», с которым сложились самые благожелательные отношения, и надеюсь, надолго. Работа С.-Петербургского отделения Фонда Мира проводится каждодневно, настойчиво, большим числом активистов в надежде на то, что наша жизнь будет лучше и спокойнее.

В. Д. Густова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ДЕТСКОГО ФОНДА (ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ)

Ленинградское областное отделение в рамках Российского детского фонда работает семь лет. Основная задача фонда — помогать детству, защищать его интересы, привлечь внимание равнодушных людей, государственные органы, коммерческие организации к решению детских проблем.

В жизни фонда были и взлеты, и падения, но желание помогать детям всегда было выше всех невзгод. Свыше 12 тысяч детей области нуждаются в заботе государства и фонд старается не обойти их вниманием. В области 68 детских домов, домов ребенка, специальных коррекционных школ-интернатов, 20 — социальных приютов и центров реабилитации для детей, в которых воспитываются более 5 тысяч человек.

Три тысячи детей-инвалидов, с различными диагнозами, требуют особого внимания, четыре тысячи — это дети, лишившиеся попечения родителей (опекаемые в семьях).

Областной детский фонд работает над реализацией целого ряда благотворительных программ: «Теплый дом», «Семейный детский дом», «Глухие дети», «Детский церебральный паралич», «Детский диабет», «Дар жизни», «Надежда», «Соучастие в судьбе», «От сердца к сердцу», «Юные дарования», «Дворцы Санкт-Петербурга детям», «Здравствуй, елка» и др.

В рамках этих программ в области проведено пять благотворительных фестивалей «Дворцы Санкт-Петербурга детям», передано детям, лишившимся слуха, 183 слуховых аппарата, проведены первый благотворительный детский марафон «От сердца к сердцу» и областной школьный выпускной бал, 60 детей из детских домов области отдохнули этим летом в Крыму. Практически все детские дома и приюты получили новую одежду и обувь.

Фонд старается поддерживать и развивать творческие детские коллективы, в их числе хор «Апрель», детский театр «Катюша», художественный коллектив Пикалевского детского дома, ансамбль «Гармония» и др.

Фонд принял непосредственное участие в открытии столицы детства Ленинградской области — Андерсенграда (г. Сосновый Бор), где была провозглашена «Королева Детства».

В настоящее время фонд активно готовится к проведению Новогодних и Рождественских праздников, начало которых положит Рождественский благотворительный марафон в декабре 1997 года.

У фонда много надежных друзей, есть и спонсоры.

А. М. Белицкий

ВОЛХОВСКИЙ РАЙОН В БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ

11 сентября 1997 года муниципальное образование «Волховский район» отметило свое 70-летие, но это в новейшей истории. На самом же деле история Волховской земли уходит в глубокую древность. Появление здесь людей можно отнести к VII веку до н. э., а становление Древней Руси, точнее ее государственности, к IX веку н. э., особенно с момента призвания варяжского князя Рюрика. Таким образом, Волховская земля является колыбелью российской государственности, центром которой являлась тогда Ладога (Старая Ладога). Люди, проживавшие на территории современного Волховского района, активно занимались рыбной ловлей, охотой, земледелием и скотоводством. Озера, реки, леса, земля кормили людей, обу-

вали и одевали. Основная деятельность ладожан была связана с торговлей, различными ремеслами, судоводительством — здесь проходил трансевропейский путь из «варяг в греки» и из «варяг в арабы».

Современная промышленная, сельскохозяйственная инфраструктуры стали формироваться в Волховском районе в начале XX века и получили мощные импульсы в своем развитии в период 30—70-х гг. На момент перехода к новым экономическим условиям в начале 90-х годов район имел развитые целлюлозно-бумажную, деревообрабатывающую, пищевую промышленность.

В сельском хозяйстве достаточно успешно сельяне занимались мясо-молочным животноводством, картофелеводством, овощеводством, зерновыми культурами. Налоговых отчислений от предприятий по сферам деятельности вполне хватало на содержание бюджетной сферы.

В условиях рыночной экономики потенциал Волховского района, по разным причинам в промышленности и сельском хозяйстве, оказался в полной мере невостребованным, а представленная динамика работы предприятий в промышленности и сельском хозяйстве в 1996—1997 годах показывает, что наиболее глубокий кризис поразил именно промышленность. Объем выпускаемой продукции в сопоставимых ценах:

за I полугодие 1995 года составляет	121 млрд. руб.;
за I полугодие 1996 года	« 72.1 млрд. руб.;
за I полугодие 1997 года	« 27.9 млрд. руб.

Основные причины заключаются здесь в том, что практически 1,5 года основное предприятие Волховского района ЗАО «Сясьский ЦБК» не работает устойчиво и практически не платит налоги. Положение дел в сельском хозяйстве внушает определенный оптимизм и говорит о том, что сельхозпредприятия быстрее адаптировались к рыночным условиям.

Объем производства картофеля, овощей, зерновых культур увеличился в 1997 году на 40% по сравнению с 1996 годом. Объемы производства молока увеличились на 2.5% к соответствующему периоду прошлого года. Это объяснимо: сельское хозяйство Волховского района имеет многовековую практику.

На фоне резкого экономического спада в промышленности района в течение 1996—1997 гг. резко сократились налоговые поступления в бюджет Волховского района, а между тем, от предприятий промышленности и сельского хозяйства было принято в муниципальную соб-

ственность 549.6 тыс. кв. м ведомственного жилого фонда и фактические расходы с учетом последних резко возросли. Волховский район стал дотационным по этой причине и по ряду других.

Приведу пример по бюджету муниципального образования «Волховский район» на 1997 год. Собственные доходы с учетом зачисления налогов по регулирующим источникам (налог на прибыль, НДС, подоходный — установленных по максимальным нормативам) утверждены в сумме 37.636 млрд. руб., фонд поддержки муниципальным образованиям 21.146 млрд. руб., субвенции на лекарства 0.683 млн. руб., итого 59.465 млрд. руб. Расходы утверждены в сумме 80.280 млрд. руб., таким образом дефицит составил 20.118 млрд. руб., или 25%.

А как шло исполнение бюджета? Если говорить в целом, то неплохо — под 100%, а если в частности, то имеет место хроническая нехватка «живых» средств для выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы.

Месячный фонд оплаты труда составляет 1.8 млрд. руб., а «живых» денег поступило на 01.09.97 г. 6.089 млрд. руб. То есть за 8 прошедших месяцев мы в состоянии самостоятельно оплатить заработную плату в бюджетной сфере, остальные средства 11.057 млрд. руб. получены из областного бюджета. Но тем не менее долг по зарплате, образовавшийся еще в 1996 году, составляет на 01.09.97 г.: по ст. 1 — 2018 млн. руб.; по ст. 2 — 4652 млн. руб. Такое положение вынуждает сегодня брать кредиты, и очередной, в 4.5 млрд. руб., мы оформляем.

Как видно из вышеизложенного, существующая экономическая ситуация в районе не позволяет самостоятельно содержать бюджетную сферу и муниципальное хозяйство без государственной поддержки. В целом, имеются следующие пути решения проблем Волховского района: экономический и политический.

Новая администрация муниципального образования «Волховский район», проанализировав в целом ситуацию в экономике района, определила для себя стратегические направления действий: 1. Реорганизация закрытого акционерного общества «Сясьский целлюлозно-бумажный комбинат» через арбитражное управление до 01.03.98 г. (план арбитражного управления принят Советом кредиторов 01.08.97 г.). Текущие платежи в бюджет района с сентября этого года пошли. 2. Перевод на природный газ муниципальных котельных (из 29 котельных только 1

работает на газу) по областным программам. В 1997 году переводится еще две котельные, ведутся работы по строительству газопровода в г. Сясьстрой, с последующим переводом котельных этого города на природный газ. 3. Перевод котельных 4-х волостей района на местное топливо — торф. К сожалению, ранее этот вопрос был упущен, сегодня существует программа по использованию торфа с реанимацией торфодобывающего предприятия в п. Селиваново. В этой волости решается проблема занятости населения. Платежи с Сясьского ЦБК позволят увеличить поступления в бюджет района финансовых средств в среднем в 1.6 раза, газификация приведет к значительно-му снижению затрат, связанных с содержанием муниципально-го хозяйства.

Политически вопрос решается несколько проще. Иницируются вопросы объединения ныне трех муниципальных образований: Волховский район, г. Волхов и г. Новая Ладога в одно целое. Тогда в итоге, за счет экономического потенциала г. Волхова и г. Новая Ладога выравнивается бюджетная обеспеченность в расчете на одного жителя и государству меньше придется вмешиваться в проблемы единого муниципального образования. Пока же происходит наоборот. Формирование самостоятельного муниципального образования г. Новая Ладога усугубило проблемы района, так как 4—5 предприятий работают на 11 тысяч жителей, а на 43 тыс. жителей всего Волховского района остались сельхозпредприятия и ЗАО «Сясьский ЦБК». Государство обязательно должно регулировать процессы создания муниципальных образований. В противном случае, условно назовем «доходные», населенные пункты выделятся и будут жить безбедно (к примеру: Пикалево, г. Новая Ладога), а «затратными» в основном сельскими, будет вынуждено очень серьезно заниматься Правительство области, влезая, извините, в каждый колодец на селе, в каждую яму на дороге и т. д.

Теоретически есть и третий путь, который на сегодня, к сожалению, не облечен в правовые нормы. Например, в Финляндии, уровень дотаций со стороны государства муниципальному образованию не должен превышать 70% (в Заполярье у нас есть и 95%). Если этот порог пройден, государство разрабатывает программу санации (оздоровления) данного муниципального образования на срок 5 лет. В этот период внедряются серьезные инвестиционные проекты, которые в конечном счете оздоравливают экономику муниципального образования, и оно, пройдя курс «лечения», способно дальше самостоятельно жить и

развиваться. Неплохо, может быть сегодня, в порядке pilotной постановки вопроса подобную практику использовать в Волховском районе — ведь он уникален своими культурными ценностями во всей Ленинградской области. Казалось бы, всерьез говорится о туристических проектах в Южном Приладожье, все мыслят глобально, а я думаю, что в сегодняшней ситуации нужно мыслить более целенаправленно и конкретно. Несколько поколений русских людей говорит об уникальности Старой Ладogi, сюда ежегодно приезжают датчане, норвежцы, шведы. Понятно, что их привлекает — история. В центре Стокгольма есть улица Ярла Биргера, да того самого, который пытался разрушить Ладogu и сам был разбит Александром Невским в Усть-Ижоре. Скандинавы знают свою историю и, наверное, не исключают того, что Альдейгьюборг (г. Ладoga) мог бы входить в их южную провинцию, и поэтому их поток, сюда к нам, никогда не иссякнет. Давайте поможем и им, и самим себе.

Как воздух, Старой Ладoge необходим административный корпус, включающий в себя и дирекцию музея-заповедника, гостиницу, выставочный зал, нормальный конференц-зал, приличное кафе. Уверен, тогда ручеек туристов превратится в поток. Это поможет заработать деньги, которые позволят превратить пока развалины Старой Ладogi в настоящий музей-заповедник, наконец-то перейти от слов к делу. Ни району, ни музею-заповеднику в одиночку с этой задачей не справиться.

В заключение скажу, что сегодня у администрации муниципального образования «Волховский район» есть полная ясность, что делать и куда двигаться, чтобы стабилизировать ситуацию в районе, по глобальным вопросам рассчитываем на помощь Правительства области и Губернатора В. А. Густова.

Сегодня пришло понимание: необходимо максимально сохранить созданное руками предыдущих поколений и содействовать развитию всего нового, полезного для людей.

Н. М. Волчкова

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ВОЛХОВА

Волхов приобрел статус города в 1933 году. Связано это со строительством Волховской ГЭС — первенца ГОЭЛРО и Волховского алюминиевого завода. В настоя-

щее время город является административной единицей Ленинградской области. Население Волхова составляет 50,9 тыс. человек. Площадь города — 10,820 га. В городе зарегистрировано 410 предприятий различных форм собственности, из них 273 — предприятия малого бизнеса. Кроме того, зарегистрировано 1100 индивидуальных предпринимателей без статуса юридического лица. Волхов — одна из немногих территорий Ленинградской области, которая не является дотационной. Руководство города целенаправленно занимается привлечением инвестиций из различных источников: бюджеты всех уровней, средства предприятий, кредиты банков и фондов (в том числе и международных).

Развитие города в условиях рыночной экономики позволяет значительное внимание уделять развитию образования и культуры. В целях сохранения и развития учреждений социальной сферы и стабилизации работ предприятий города, освобождения их от несвойственных функций, город за последние годы принял 24 учреждения образования и культуры в муниципальную собственность.

В апреле 1996 года изменена система управления учреждениями образования и культуры. Перераспределение функций между отделами мэрии позволяет более результативно управлять данными сферами. Удалось несколько увеличить финансирование названных отраслей.

	1996 год (процент от годового бюджета города)	1997 год
Образование	7,9%	10,2%
Культура	2,9%	7,7%

Серьезное внимание уделяется в городе развитию образовательной системы. В Волхове 24 учреждения дают образование жителям всех возрастов. Кроме традиционных ПТУ и двух колледжей в городе созданы 5 филиалов высших учебных заведений, насчитывающие 657 студентов; международный бизнес-инкубатор, занимающийся обучением предпринимателей и созданием малых предприятий. Центр обучения взрослого населения ведет подготовку по 15 специальностям. Целенаправленная образовательная политика позволяет повышать образовательный уровень горожан, помогает им активнее включаться в рыночные отношения, добиваться более значительной реализации творческого потенциала. 13 учреждений культуры создают условия для волховчан по организации досуга и развитию творческих способностей. Совместными усилиями образовательных учреждений и учреждений куль-

туры в последние годы удалось значительно активизировать краеведческую работу среди жителей города и особенно среди молодежи. В Волхове создано краеведческое общество, которое координирует деятельность волховчан, изучающих историю родного края. В 1997 году проведены две научно-практические конференции, посвященные обсуждению итогов работы и перспектив дальнейших исследований. Результаты серьезной краеведческой работы нашли отражение в издательской деятельности. В 1996—97 годах изданы 4 книги волховских авторов В. В. Астафьева и Ю. А. Сякова, посвященные истории города. В настоящее время коллектив учителей города заканчивает работу над методическим пособием по краеведению. Учебник планируется издать в конце 1997 года. Кроме того, истории города и его жизни сегодня посвящены полностью 2 журнала: «Совершенно открыто» (в 1996 году) и детский журнал «Искорка» (в 1997 году).

В 1997 году Санкт-Петербургским филиалом Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия, по договору с мэрией, проведены на территории Волхова археологическая разведка, раскопки и архивные исследования. В ходе этой работы выявлены 18 памятников различных эпох: от каменного века до позднего средневековья. Часть из них сохранилась и может быть исследована и использована в качестве объектов экскурсионного показа. Все открытые археологами объекты включены инспекцией по охране и использованию памятников в список вновь выявленных памятников истории и культуры. Материалы археологов позволили сделать вывод о том, что уже в конце XV века территория нынешнего города была полностью заселена, а историю Волхова нельзя ограничивать, как это было принято в последние десятилетия, только советским периодом. Все материалы по истории Волхова, собранные археологами и краеведами, найдут свое отражение в книге «Город Волхов», рукопись и фотоматериалы которой подготовлены авторским коллективом под руководством Лебедева Г. С.

Развитие города последних лет привело к тому, что появилась необходимость создания в Волхове информационного учреждения совершенно нового типа, деятельность которого будет основываться на нетрадиционных методиках работы с посетителями. Таким учреждением станет информационно-досуговый центр, строительство которого завершается в начале 1998 года. В новом здании общей

площадью 3024 м² разместятся: библиотека на 200 тыс. единиц хранения, краеведческий музей, научный комплекс. Посетители центра смогут получать необходимую информацию в любом виде: печатная продукция, видео- и аудиоматериалы, живое общение. Особенности деятельности краеведческого музея станут театрализация проводимых экскурсий и постепенное накопление материалов об истории всех проживающих в городе семей.

Значительно обогащает культурную жизнь волховчан системная работа по организации выставок. На шести выставочных площадках города с августа 1995 года выставки художников, мастеров прикладного искусства, промышленной продукции постоянно сменяют друга.

Около 4 тысяч волховчан занимаются в кружках, секциях, клубах и творческих коллективах учреждений информационно-досугового отдела. Многие творческие коллективы известны не только в Волхове, но и за его пределами. С самого начала нынешнего века известны сильные театральные коллективы волховчан. И если в 80-е годы театральная активность переживала период спада, то в последнее пятилетие следует отметить ее возрождение. Благодаря неутомимой работе художественного руководителя театральной студии «Свеча» Щелоковой Н. Ю., ее самодеятельный коллектив в 1997 году удостоен звания народного. Такую же высокую оценку получил оркестр народных инструментов под руководством Аксенова В. А., а танцевальный коллектив «Россияночка», художественный руководитель Александрова И. М., получил звание образцового.

В последние годы в Волхове возрождены традиции проведения на общегородском уровне профессиональных праздников, проводов в армию. Значительная часть волховчан с удовольствием участвует в конкурсах, посвященных дню рождения города, и самом празднике. Стали традиционными «Золотые свадьбы» и экологический марафон. В городе созданы необходимые условия для того, чтобы жители всех возрастов и любых интересов могли найти себе дело по душе. Много нового и интересного для организации культурной жизни города дают побратимские связи с шведским городом Сундсвалль и финским городом Ярвенпяя, существующие не одно десятилетие.

Таким образом относительно успешное экономическое развитие города в последние годы, поиск новых нетрадиционных форм развития культуры в условиях муниципального образования позволили Волхову добиться некоторых успехов в этом направлении. Четкость перспектив

в развитии культуры, наличие неплохого кадрового потенциала, постоянно повышающего свой профессиональный уровень, дают основание предполагать, что намечаемые программы волховчане успешно выполняют.

М. М. Данилькевич

**АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ОТКРЫТОГО ТИПА
«ВОЛХОВСКАЯ СЕЛЬХОЗТЕХНИКА» —
РЫНОЧНЫЕ ПРОГРАММЫ
ОДНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ
В СТАРОЙ ЛАДОГЕ**

ООТ «Волховская сельхозтехника» была создана в 1934 году и первоначальное ее название было МТС — машинно-тракторная станция — по обслуживанию сельского хозяйства. За более чем 60 лет своего существования ей приходилось неоднократно менять свои названия, а также и профиль выполняемых ею функций. Перед началом реформ на базе нашего предприятия осуществлялся специализированный ремонт кормозаготовительной техники производства бывшей ГДР — более 200 шт. в год для всей Ленинградской области, ремонт вакуумных насосов — более 2000 шт. в год, ремонт навозоуборочных транспортеров ТСН-ЗБ — 210 шт. в год, ремонт раздатчиков кормов КТУ-10, изготовление и восстановление запасных частей к сельхозмашинам, проводилось 2800 технических обслуживаний в год грузовых автомобилей для совхозов Волховского района. Выполнялся значительный объем грузоперевозок торфопродукции, кормов, других необходимых в народном хозяйстве грузов.

Но по мере проведения и углубления радикальных экономических реформ в сельском хозяйстве, оплатить столь необходимые услуги нашим совхозам становилось уже не под силу. Объем заказов с каждым годом катастрофически уменьшался. Кризис усиливался, неплатежей становилось все больше и больше. К началу 1994 года стало окончательно ясно, что если не предпринять какие-то решительные шаги по поиску своего места в зарождавшемся рынке, не найти какую-то оригинальную идею с далеко идущими перспективами, то предприятие будет обречено. Такой идеей для нас стало производство хлебобулочных изделий. Резонно решив, что «не боги горшки обжигают», мы взялись за изучение этого вопроса. Досконально изучив технологию производства, требования к оборудова-

нию, помещениям, кадрам, мы в марте 1994 года приобрели мини-пекарню, а 12 апреля 1994 года мы выпустили первую продукцию — батон подмосковный.

Первоначально у нас работала одна смена и продукция поступала только в магазины в Старой Ладоге и г. Новой Ладogi. Постепенно наша продукция становилась популярной, ее узнавал все более широкий круг покупателей. Была организована работа в две, а затем и в три смены. Несмотря на жесткую конкуренцию со стороны хлебозаводов г. Волхова и г. Новой Ладogi, круг наших покупателей расширялся. В октябре 1995 года мы приобрели вторую пекарню, а в июле 1997 года купили уже третью, так как нашу продукцию просили поставлять в г. Волхов, г. Новую Ладogu, г. Сясьстрой, другие населенные пункты и садоводства. В настоящее время все пекарни работают в три смены, потребителями являются более 35 магазинов различных форм собственности. Вся продукция сертифицирована, выпускаем изделия 10 наименований. За сутки производим 2,5 тонны продукции, месячный объем реализации превысил 260 млн. руб.

Вторым направлением деятельности была выбрана розничная торговля. Мы организовали два магазина и стали учредителями третьего, через которые реализуем не только собственную хлебобулочную продукцию, но также и продукцию бывших совхозов, которые рассчитываются с нами бартером, а также осуществляем широкую продажу всей номенклатуры продовольственных товаров, необходимых населению. Только за счет пекарен и магазинов нам удалось создать к настоящему времени 35 новых рабочих мест.

Третьим направлением деятельности было выбрано обслуживание объектов жилищно-коммунального хозяйства в с. Старая Ладога. В июле 1995 года по просьбе администрации Волховского района с нашим предприятием был заключен договор на оперативное управление всеми объектами ЖКХ с. Старая Ладога. В течение двух с небольшим лет нам пришлось приложить много сил и энергии, знаний, а также свыше 700 млн. руб. собственных оборотных средств в канализационно-очистные и водозаборные очистные сооружения, котельные, жилье, чтобы привести их в более-менее удовлетворительное состояние, так как на момент передачи эти объекты находились у двух различных собственников — бывших совхозов. Говорить о том, как в настоящее время обслуживать объекты ЖКХ при неудовлетворительном финансиро-

вании со стороны администрации МО «Волховский район» (дебиторская задолженность составляет около 1,5 млрд. руб.), неплатежах населения (задолженность свыше 320 млн. руб.), наверное, излишне.

Четвертым направлением деятельности является строительство автозаправочной станции, которая близка к завершению.

Благодаря вот таким принятым мерам, нам удастся оставаться, как говорится, на плаву. Около 190 человек имеют рабочие места, регулярно получают зарплату (задержки составляют не более двух-трех недель), наше предприятие регулярно уплачивает налоги (за 1996 год перечислено более 1 млрд. рублей). Но останавливаться на достигнутом мы не собираемся, ищем другие направления развития предприятия.

На сегодняшний момент определены следующие направления развития предприятия:

1. Совершенствование работ хлебопекарен путем внедрения более производительного оборудования и расширение номенклатуры выпускаемых хлебобулочных изделий.

2. Приобретение и монтаж мукомольного комплекса производительностью 600 кг зерна в час.

3. Приобретение оборудования для производства кондитерских изделий (печенье, пряники и пр.).

Перспективными направлениями деятельности, на наш взгляд, могли бы быть при заинтересованности муниципальной и государственной властей, администрации Староладожского музея-заповедника:

1. Создание на базе АО машинно-технологической станции для обслуживания сельского хозяйства Волховского района.

2. Создание на базе АО участка по ремонту и восстановлению памятников Староладожского музея-заповедника.

3. Создание на базе АО оптовой продовольственной базы.

Л. А. Губчевская

СТАРОЛАДОЖСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

В 1996 году праздновался 25-летний юбилей музея в Старой Ладогге. На губернском собрании в 1901 году впервые была высказана идея создания в Старой Ладогге

музея «для сохранения того или другого памятника» (Петербургский земский вестник 1904 г., № 5, с. 77—79). Семьдесят лет спустя, в 1971 году эта идея была осуществлена, и в Старой Ладогe открылся краеведческий музей. Все эти годы российская общественность, ученые и специалисты старались привлечь внимание к бедственному положению памятников Старой Ладогe. Судьба музея в Старой Ладогe тесно связана с российской наукой. В 1972 году начала работу Староладожская археологическая экспедиция Российской Академии Наук, которую возглавляет преданный защитник нашего заповедного места доктор исторических наук А. Н. Кирпичников. Во многом благодаря энергии Анатолия Николаевича провинциальный музей в Старой Ладогe в 1984 г. получил статус историко-археологического и архитектурного музея-заповедника общероссийского значения. Под особую охрану была взята территория в 190 га, от полного уничтожения спасены памятники археологии, сохранена историческая планировка древнего города, началась реставрация памятников архитектуры.

Общероссийский статус потребовал от нас пересмотра ранее принятых принципов охраны памятников. Были разработаны новые охранные зоны. Проект охранных зон получил согласование в Министерстве культуры России, но по настоящее время еще не согласован Комитетом по градостроительству и архитектуре Ленинградской области. По заключению Комитета «предлагаемое решение охранных зон не обосновано настоящим проектом и внесет только хаос и разруху на территории, включенные в охранную зону». Решение ясного дела затянулось, и, как следствие, в окрестностях Старой Ладогe появилось садоводство, а в окружающих ее деревнях ведется неподдающееся регулированию новое строительство. Музей-заповедник, хотя и с трудом, но не позволяет бесконтрольно разрастаться селу, еще удается сохранять облик сложившейся усадебной застройки. В России не разработана нормативно-правовая база для музеев-заповедников. Надеемся, что Законодательное собрание Ленинградской области примет региональный закон «О музеях-заповедниках». Предложения к закону нами подготовлены. От его принятия будет зависеть будущий облик Старой Ладогe: останется ли она сокровищницей русской архитектуры и культуры или будет поглощена силикатными особняками.

На десятилетие затянулась разработка генеральной схемы развития Староладожского историко-архитектурного

и археологического музея-заповедника и села Старая Ладога. В 1993 году Областной музейный центр, выступавший заказчиком этих работ, в одностороннем порядке прекратил финансирование. В этом году Комитет по культуре включил в областную программу научных изысканий работы по генеральной схеме, но финансирование пока не открыто. Генсхема — это целевая программа государственной поддержки историко-культурной территории. Утверждение ее правительством Ленинградской области даст механизм для формирования источников финансирования для развития не только музея-заповедника, но и самого села. Необходимо, чтобы в областном бюджете музей-заповедник был выделен отдельной строкой. А пока из-за отсутствия топогеоподосновы мы не можем получить землеотвод. Впервые за истекшие годы не ведется реставрация, нет средств. Мы можем потерять самую древнюю постройку Ленинградской области — церковь Успения Богородицы XII века, которая второй год стоит с раскрытыми сводами, усилились деформационные процессы в стенах. За «видимым» благополучным западным фасадом Ладожской крепости скрыт руинированный восточный фасад, неоконченные восстановление башни и стоящая без кровли арка в стене XII в. Фильтрация грунта может привести к разрушению основания ц. Георгия XII века. Этот перечень можно продолжить. Если ситуация не изменится к 1250 юбилею Ладоги (2003 год), мы разрушим свой дом и получим в наследство ветер. Парламентские слушания, прошедшие в Старой Ладоге в апреле 1997, еще раз подтвердили ее непреходящую ценность и уникальность, и мы будем стремиться получить статус особо ценного объекта культурного наследия России.

Научный коллектив музея-заповедника обладает хорошим исследовательским потенциалом, что позволит нам стать крупным музейным центром Северо-Запада. Наше музейное собрание — 120 тысяч единиц хранения, в 1995 году начата работа по созданию компьютерного банка данных наших коллекций. С 1993 года проводим научно-практические конференции «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья», а с 1995 года — научные чтения «Ладога и Северная Европа». В конференциях участвуют ученые г. С.-Петербурга, Москвы, Новгорода, Калуги. Издаем материалы конференций. Путем народной дипломатии развиваются и крепнут наши международные контакты, начало которым было положено норвежским археологом А. Стальсберг и российским археологом А. Кирпичниковым. Ладожские древности стали пред-

ставлять российскую культуру за рубежом. Первая выставка была приурочена к 500-летию подписания договора «О вечной любви, мире и дружбе» между Россией и Данией. К 1000-летию древней столицы Норвегии — Нидороса—Тронхейма показаны две выставки «Письменность» и «Древности Старой Ладogi». В 1996 году мы принимали сотрудников регионального музея Вестенорланд, а в этом году с ответным визитом наша делегация побывала в гостях у шведских коллег. Мы надеемся, что на базе музея-заповедника будет создан международный историко-культурологический центр. В этом проекте участвует С.-Петербургский институт Истории материальной культуры РАН, с которым у нас подписан договор о научно-гуманитарном сотрудничестве, надеемся, что в осуществлении этого проекта мы найдем поддержку и правительства области. С 1991 года совместно с администрацией Волховского района и Староладожской археологической экспедицией мы принимаем гимназистов, студентов, преподавателей из Норвегии, Финляндии, Швеции, Дании, США, так что определенный международный опыт у нас уже есть. В наших совместных планах и проект по созданию музея археологии Южного Приладожья.

До 1989 года наши заповедные места посещало до 120 тысяч туристов, сегодня немногим более 30 тысяч. Привлечь туристов и заставить турбизнес работать на музей-заповедник — одно из приоритетных направлений в работе нашего коллектива. Нам удалось, используя международные контакты, войти в программу Совета Европы «Викинги», и сегодня к нам приезжают гости из Северной и Западной Европы. У нас есть будущее и есть желание и умение работать. Книга, изданная по инициативе Правительства Ленинградской области «Старая Ладога — древняя столица Руси», заканчивается словами «...главное, в Старой Ладoge обосновался и борется за свое выживание музейный центр общерусского значения. Ему суждено почетное, хотя и трудное будущее». К этому мне хочется добавить, что союз Музея и Науки при поддержке органов государственной власти, еще более приумножит славу Отечества и Ленинградской области.

Археология, история, культура

В. М. Массон

СЕВЕРНЫЙ ЦЕНТР ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В БАЛТИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

1. Исторический феномен, известный в исторической литературе как Киевская Русь можно трактовать как пример средневековой, в данном случае восточнославянской цивилизации. Налицо такие компоненты цивилизации как городские центры, монументальная архитектура, система письменности, развитое ремесленное производство, чеканка монеты как престижно политической символики, все в целом закрепляемое унифицированной идеологической системой в виде государственной религии. В сложении, развитии и формировании специфических особенностей этой цивилизации немаловажную роль сыграл ее северный центр с такими выдающимися городскими структурами как Старая Ладога и Новгород с его культурно-социологической предтечей в виде Рюрикава Города.

2. Великий русский исследователь И. И. Мечников предлагал различать три хронологически последовательных типа цивилизации — речные, морские и океанические. Российская цивилизация стала океанической с выходом на дальневосточный регион. Формирование славянского этноса и культуры в значительной мере было связано с речными системами. Освоение расселяющимися славянскими племенами, вступающими в активное взаимодействие с местным населением Северо-Запада современной России, выводило восточнославянское образование на уровень морских цивилизаций. На юге интегративному выходу на систему Черного и Средиземного морей многие столетия препятствовали мощные кочевнические объединения, опиравшиеся на характерный для северо-причерноморских просторов степной образ жизни местного населения, корнями уходящий еще в эпоху бронзы. С VIII—X веков балтийский контекст, переживавший затем непростые периоды взаимодействия, интеграции и военно-политических катаклизмов, стал играть исключительно важную роль в истории российской культуры и государственности.

3. Глубинные истоки балтийского контекста восходят к финальным этапам каменного века, когда регион осваи-

вался группами охотников и рыболовов, продвигавшимися на север вслед за отступающим ледником. В балтийском регионе складывается устойчивый культурно-хозяйственный тип, эталонные формы которого хорошо представляют южнобалтийские комплексы Маглемозе и Эртебелле. В эту пору наблюдается формирование довольно обширных культурных общностей и культурное взаимодействие, связанное общностью культурно-хозяйственного типа. Однако это взаимодействие не было устойчивой системой, а с IV—III тыс. до н. э. намечается все большее расхождение путей развития племен балтийского региона.

4. Кардинальные перемены происходят со второй половины I тыс. н. э. Двумя переломными событиями были расселение восточнославянских племен в северном направлении и интенсификация социально-экономических процессов особенно на юге Скандинавии. В результате в балтийском регионе в VIII—X веках развиваются комплексные общества с отчетливо выраженной тенденцией к военно-аристократическому политогенезу. Исключительное значение имело формирование устойчивой системы международных торговых трасс, известных под литературным наименованием пути из варяг в греки. Эта система, важнейшим составным компонентом которой были восточнославянские земли и формирующиеся здесь торгово-ремесленные центры, прочно выводила древнюю Русь в ранг морских цивилизаций. Военно-торговые экспедиции, перераспределявшие материальные ценности от рабов до предметов украшений, были, как на заре древневосточной истории, важным механизмом этой эпохи.

5. В результате на севере Европы возникает новое явление, которое некоторые исследователи склонны именовать балтийской экономической системой. Внешними материальными атрибутами ее определенного единства и стандартизации являются, помимо восточных серебряных монет, весы и гири, идентичные по всему региону. Исключительное значение имеет явление культурной интеграции, ведущее к формированию на селективной основе определенного нового культурного единства. В этом отношении особенно характерны эталоны и моды, распространенные в среде военных дружин, роль которых при военно-аристократическом пути политогенеза была особенно значима. Таковы стандартные наборы одежды и предметов вооружения. Общебалтийские атрибуты охватывают широкий круг явлений от пахотных орудий до женских украшений. Этот балтийский контекст представляет собой яркий образец культурной интеграции в пору развития средневековых цивилизаций.

6. Базовой структурой, обеспечивающей стабильность и преэминентность балтийских обществ раннего средневековья, становились поселения городского типа (Бирка, Риббе, Хедебю, Старая Ладога, Новгород и другие). Северный центр восточно-славянской цивилизации, столь ярко представленный памятниками Приильменья и Поволховья, стал важным компонентом всей балтийской культурно-экономической системы. Для древней Руси его специфика во многом определялась высокой значимостью торгово-ремесленных функций, что прямым образом отражалось на особенностях политогенеза, где военно-аристократические тенденции сочетались с организационно-управленческими, ориентированными на торговую социальную страту. Это дало такое яркое политическое явление как Новгородская республика.

А. Н. Кирпичников

**СТАРАЯ ЛАДОГА В СВЕТЕ
НОВЫХ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИЗЫСКАНИЙ.**

**К ИТОГАМ РАБОТ СТАРОЛАДОЖСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ**

**МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

В 1972—1997 гг.

Старой Ладоге, ныне небольшому поселку Ленинградской области (до 1704 г. городу Ладоге) принадлежит особое место в системе фундаментальных ценностей отечественной и международной истории и культуры. Археологические изыскания, проведенные отрядами Староладожской экспедиции на территории Старой Ладоги и ее округи (Земляное городище, каменная крепость, посад древнего города, селища и погребения в окрестностях поселка, городища в Новых Дубовиках и Любше, «городки» на р. Лаве и Сяси), а также на территории Юго-Восточного Приладожья (курганы и сопки) под руководством автора этих строк, Е. А. Рябина, В. П. Петренко, Е. Н. Носова, В. А. Назаренко и О. И. Богуславского позволили добиться неоднозначных результатов.

Дендродатированы строительные горизонты древнего поселения (анализы Н. Б. Черных) (от 6 до 11 на разных раскопах) в рамках VIII—X вв., при этом впервые выяс-

нена рекордная по давности для древнерусских городов дата основания Ладоги — 750 годы. Город в низовьях Волхова возник как бы в сложившемся виде, минуя эмбриональную фазу развития, и не менял в дальнейшем своего местоположения.

Археологически обнаружено около ста остатков жилых, производственных и хозяйственных построек, что позволило по-новому представить домостроительство, включавшее возведение изб, домов-пятистенков, особых «общественных», возможно, «гостевых», культовых и других сооружений. В ряде построек, выявленных на Земляном городище, устойчиво встречались куски янтаря, неоконченные обработкой бусы, капли стекла, тигли, льячки, формочки, пиленая кость, некоторые ремесленные инструменты. Очевидно, что в этих постройках, обычно, жилищах работали ремесленники-универсалы, изготавливавшие янтарные, бронзовые, стеклянные, иногда, костяные изделия. Особое значение имеет древнейшая в ранне-средневековой Европе ювелирно-слесарная и литейная мастерская 750 годов с набором не менее чем 25 инструментов, открытая Е. А. Рябининым. В ходе раскопок 1997 г. экспедиция впервые обнаружила остатки бронзолитейной мастерской последней четверти IX в. с редчайшими высокохудожественными украшениями (готовыми и незавершенными) скандинавского облика, относящиеся к женскому и мужскому костюму. Также впервые в слое второй половины IX в. выявлены жилые и производственные, стандартные по ширине, парцеллы, что позволило по-новому представить начало регулярно спланированной застройки европейских городов.

Во время раскопок обнаружены сотни предметов из глины, железа, бронзы, стекла, кости, янтаря, камня, дерева, кожи. Среди них выделяются уникальные художественно отделанные вещи, а также свинцовые печати. Составлена шкала эволюции городской посуды, после 900 года испытавшей все более отчетливое внедрение гончарного круга. Проведена специальная работа по каталогизации найденных в разные годы в Старой Ладоге и ее окрестностях арабских и других монет. Восточное монетное серебро появилось в Ладоге не позднее 50—60-х годов VIII в. Именно город в низовьях Волхова явился одним из первых центров русской равнины, где диргема зафиксированы сразу же, как только началось их распространение в Восточной и Северной Европе.

Продолжалось камеральное изучение отдельных категорий находок (бусы, керамика, деревянные изделия, оружие, принадлежности корабельного дела, украшения костюма) и этническая сортировка находок. Намечены серии

скандинавских, славянских, финских и других по происхождению форм. Особое внимание обращено на этноопределяющие принадлежности женского головного убора, что позволило опознать вещи не только кривичей, но и, возможно, словен.

Обнаружены этапные сооружения древнерусской каменной и деревоземляной фортификации: укрепления конца IX—начала X вв., претендующие быть первыми каменными на Руси, крепость 1113/1114 гг., местами сохранившаяся на почти полную высоту (не менее 8,5 м). Эта последняя предвосхитила распространение каменных твердынь на Руси, начавшееся в основном столетием позже, и вплоть до конца XV в. обеспечивала безопасность горожан и защиту северных рубежей страны. В конце XV—начале XVI вв. на месте крепости 1113/1114 гг. возводится новая, приспособленная к огнестрельному бою. В ее устройстве, как удалось установить, проявились передовые черты итальянской оборонительной архитектуры эпохи возрождения, выразившиеся, например, в практической равновеликости по высоте стен и башен. К каменной крепости с юга примыкает упоминавшееся выше Земляное городище. Это сооружение с помощью данных Разрядных книг и натуральных исследований было опознано и датировано в качестве бастионной фортификации, возведенной в 1584—1585 гг. Ныне трудами экспедиции в Старой Ладге четко атрибутирован, частью впервые выявленный, своеобразный музей фортификаций, каждая из которых является архитектурно выдающейся. Отрезок стены 1113/1114 гг. и принадлежавшую этой же преграде торговую и водонаборную арку удалось оперативно законсервировать для музейного показа.

С помощью раскопок, шурфовки и письменных источников определено примерное распространение средневекового культурного слоя и выяснена площадь поселения, которое в VIII—X вв. достигало 12 га, а в XVI в. — 16—18 га. Усилиями разных ученых составлена карта не менее 150 памятников ладожской археологии, архитектуры и градостроительства. Выяснено, как складывалась территория города и окружающих его могильников. В 1153—1166 гг. в Ладге, видимо, по единому замыслу были последовательно построены сразу шесть каменных храмов, располагавшихся в определенной градообразующей системе. Типологически и конструктивно их признают нововведением в русской архитектуре середины XII в. Возможно, что заказчиками большинства из этих зданий была посадская элита.

Соотнесенные с местностью показания Писцовых книг конца XV—XVI вв. позволили определить социально-про-

изводственную топографию ладожского посада, расположение дворов и дорог. Впервые реконструирован план средневекового города с его районами-концами и монументальными сооружениями. Уточнены местонахождение и наименования некоторых несохранившихся церквей.

Трудами В. П. Петренко в Старой Ладогe было раскопано 12 сопок-усыпальниц первых поколений горожан. Многозначные результаты этого ныне опубликованного исследования позволили археологам предположить, что погребальные сооружения данного типа первоначально появились в Нижнем Поволховье, а затем распространились на значительные территории славянского заселения. Дальнейшие раскопки сопок обеднят исторический ландшафт Нижнего Поволховья. Экспедиция решила прекратить их раскопки в зоне Старой Ладоги. Целесообразно восстановить хотя бы часть разрушенных сопок. Начало этому положил В. П. Петренко. Одну из сопок ему удалось реконструировать для музейного показа.

Немаловажный вклад в изучение древностей Юго-Восточного Приладожья, исторически тесно связанного с Ладогой, внесли руководители отрядов экспедиции В. А. Назаренко и О. И. Богуславский. Прояснена этническая история региона, уточнены данные о приладожской курганной культуре, обнаружены неизвестные ранее погребальные сооружения. Выдвинуто положение о существовании особой Ладожской земли — предшественнице Новгородской. Ядром этой земли была городовая волость, протянувшаяся примерно на 65 км вдоль нижнего течения Волхова, включавшая многорядные Гостинопольские и Пчевские пороги, обслуживающие их укрепленные станции и приречные сельские поселения. В свете последних историко-археологических обследований (С. Л. Кузьмин, А. А. Селин) заселение Нижнего Поволховья предстает гораздо более плотным, чем казалось до сих пор. На расстоянии дневного перехода (43—50 км) на востоке, юге и западе от Ладоги располагались укрепленные форпосты, прикрывающие дальние подступы к этому городу. Далее тянулись обширные земли, населенные финским и лопарским населением, находящимся по отношению к метрополии в даннической зависимости. В соответствии с местоположением, структурой и устройством Ладоги ее экономика была ориентирована на внешние связи, транспортировку грузов, посредническую и местную торговлю, выработку находивших сбыт ювелирных и некоторых бытовых вещей.

Деятельность экспедиции и обилие новых археологических материалов способствовали новой оценке Ладоги, как фактора, повлиявшего на ход евробалтийской и во-

сточноевропейской истории. Обсуждается ряд моделей ее происхождения и развития. Уже в первое столетие своего существования Ладога выдвинулась как многоплеменной центр, преимущественно славянских и финских племен, торгово-ремесленный и транспортный узел, международный порт и торжище, лидер своего территориального округа, правильнее сказать, региона. Географически Ладога располагалась на ключевом участке великих магистральных евразийских торговых путей Балтийско-Каспийском и Балтийско-Черноморском. В этом городе произошла историческая встреча людей и культур Запада и Востока, кристаллизовались новые общественные отношения и институты, происходило взаимообогащение техническими и духовными достижениями и ценностями. Основу населения Ладоги составляли славяне (о чем ясно сообщает летопись). При этом Ладога была городом-космополитом. Разноэтничные коллективы, проживавшие в этом центре временно или постоянно, судя по всему, отличались предприимательской и этнопсихологической совместимостью. В тот период Ладога стремительно развивалась. Закономерно, что именно в это место в середине IX в. был приглашен скандинавский предводитель Рюрик, ставший основателем правящей династии. Ладога в тот период оказалась первой столицей Северной Руси, местом, где складывалась новая русская государственность.

На примере Ладоги археология и летопись поразительно подтвердили и дополнили друг друга. Материализованы следы присутствия в этом городе словен, кривичей, финских племен, скандинавов. Обозначились даже подтверждения датского происхождения Рюрика и его дружины [парцеллы жилого и хозяйственного назначения такие же, как в датском городе Рибе, норманнский курган в урочище «Плакун» по устройству (мнение К. А. Михайлова), напоминающий погребения Ютландии]. Летописное сообщение о заложении князем Олегом Вещим в 882 г. крепостей сопоставляется с упомянутым выше первым каменным укреплением, обнаруженным на мысу, омываемом Волховом и Ладожкой. Ладожская археология подтвердила реальные основы летописного «Сказания о призывании варягов», а также сообщения Иоакимовской летописи о существовании на севере Руси доваряжского «великого города», который можно с большой долей вероятности идентифицировать с Ладогой.

Нет оснований умалять значение первоначальной Ладоги по отношению к Новгороду на том основании, что она не имела достаточной земледельческой округи, была будто бы маленьким поселком, заброшенным на край славянской ойкумены. Напротив, Ладога с самого начала

своего возникновения являлась значительным по тем временам поселением региона с выраженными межплеменными и торгово-международными функциями. В период оформления государства, когда на первом этапе приоритетной являлась дальняя и внутриобластная торговля, обладание и контроль за путями, необходимы были такие центры как Ладога. По мере же укрепления государства и создания нового механизма властвования силовыми становятся центры в глубине страны, так сказать, внутриземельные, каким и явился Новгород. Речь идет о различных хронологических этапах градообразования, отличающихся своими основообразующими признаками.

Экспедиция стремилась сделать доступными свои полевые изыскания. По ее настоянию, подкреплению ходатайством Д. С. Лихачева, в 1988 г. Старая Ладога была открыта для въезда иностранцев. В экспедиции в последние годы, кроме преподавателей и учащихся вузов С.-Петербурга, Москвы и других городов, приняли участие ученые и студенты Польши, Германии, Бельгии, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии. Вещи из раскопок Старой Ладоги наконец-то стали представлять отечественное культурное наследие на международном уровне. Они демонстрировались в Дании, Швеции, Норвегии и других странах. В самой Старой Ладоге, ставшей селом-музеем, создан ряд содержательных археологических и исторических экспозиций. В 1997 г. к ним прибавилась законченная реставрацией церковь Св. Георгия с всемирно известными фресками середины XII в.

Деятельность экспедиции никогда не ограничивалась академическими рамками. После 10-летних стараний экспедиции и Ленинградского областного отделения ВООПИК в 1984 г. было принято правительственное решение о создании Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. Это предотвратило разрушение ряда исторических объектов, включая и культурный слой древнего города. Под особую охрану взята территория села размером около 190 га с находящимися здесь памятниками архитектуры и археологии, застройкой XIX—начала XX вв., культурным слоем эпохи средневековья.

В апреле 1997 г. Правительство Ленинградской области провело в Старой Ладоге и в г. Волхове беспрецедентные в нашей культурной практике выездные парламентские слушания с участием депутатов Государственной Думы (отмечу инициативные действия ректора Ленинградского государственного областного университета проф. В. Н. Скворцова), членов Правительства области, властей г. Волхова и Волховского района, ученых, сотрудников

Староладожского музея-заповедника, посвященные культурному наследию этого древнего города. Были приняты рекомендации Правительства области, главным из которых было предложение о присвоении Староладожскому музею-заповеднику статуса особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации (смотри приложение). В этих рекомендациях отмечена также необходимость финансирования работ археологической экспедиции.

В последние годы Академия Наук перестала выделять средства на раскопки. Создалась кризисная ситуация, чреватая разрушением не только археологической, но и исторической науки. Мы глубоко благодарны, что в разные годы экспедиции была оказана финансовая помощь Правительством Ленинградской области, АО «Промышленно-Строительным банком», Мэрией г. С.-Петербурга, а также Областным музейным центром, Инспекцией охраны памятников истории и культуры, С.-Петербургским отделением Фонда Мира, С.-Петербургским университетом, Ленинградским областным отделением ВООПИК. Искренняя признательность Правительству области и лично Губернатору В. А. Густову за решающую помощь в публикации издательства «Славия» книги «Старая Ладога — древняя столица Руси».

Изучение фундаментальных ценностей русской и международной истории, которое развернуто в Старой Ладоге, невозможно без постоянной государственной помощи. Здесь нельзя пренебречь исторической традицией. Старая Ладога, самый первый и выдающийся предшественник С.-Петербурга, олицетворение стремления славян и русских иметь свободный доступ к Балтике. Европейские ворота России впервые, если так можно выразиться, начали устраивать в низовьях Волхова, созданием города, ставшего двенадцать веков тому назад воплощением «балтийской идеи».

ЛИТЕРАТУРА

Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования, Л., 1985.

Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля. Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988. С. 38—79.

Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994.

Кирпичников А. Н. Ладога VIII—X вв. и ее международные связи. Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб., 1995. С. 28—53.

Рябинин Е. А. У истоков ремесленного производства в Ладоге. Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 5—59.

Кирпичников А. Н. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996.

Древности Поволжья. СПб., 1997.

РЕКОМЕНДАЦИИ
парламентских слушаний
по теме: «Старая Ладога — древняя столица Руси.
Международный центр Евро-Балтийского,
культурно-экономического и Ганзейского сообщества»

Участники парламентских слушаний по теме «Старая Ладога — древняя столица Руси. Международный центр Евро-Балтийского, культурно-экономического и Ганзейского сообщества» с выездом в село Старая Ладога Ленинградской области провели обсуждение данной темы и отметили, что комплекс памятников истории, культуры и архитектуры Старой Ладоги и ее окрестностей имеет выдающееся национальное и международное историко-культурное, природное, туристское и научно-исследовательское значение.

В этом месте нашего Отечества была впервые налажена международная торговля, установлено регулярное сообщение с Центральной и Западной Европой, основана первая легитимная столица Древнерусского государства — империи Рюриковичей.

На примере города Ладоги мы видим, как тысячу лет тому назад усилиями славян, скандинавов и финнов создавалась единая Европа без границ, таможен и национальных предрассудков. Модель исторического развития Ладоги поучительна и в наши дни для пропаганды достижений нашего прошлого, образовательной, воспитательной музейной, научно-исследовательской работы, расширения гуманитарного международного сотрудничества, особенно, с регионом стран Балтийского моря.

Учитывая изложенное, участники слушаний считают необходимым:

1. ПРАВИТЕЛЬСТВУ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:

1.1. Подготовить ходатайство в Правительство Российской Федерации с обоснованием о необходимости присвоения Староладожскому историко-архитектурному и археологическому музею-заповеднику статуса особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации.

1.2. Рассмотреть вопрос о переносе административного центра муниципального образования «Волховский район» из города Волхов в село Старая Ладога Волховского района.

1.3. Предусмотреть финансирование целевых программ по проведению ежегодных международных историко-археологических экспедиций, научных конференций, издание литературы (каталогов, альбомов, сборников научных трудов) о Староладожском историко-архитектурном и археологическом музее-заповеднике.

2. ПРАВИТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:

2.1. Рассмотреть вопрос о присвоении Староладожскому историко-архитектурному и археологическому музею-заповеднику статуса особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации.

2.2. При положительном решении вопроса включить в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, предусмотреть обеспечение правовых, финансовых и материально-технических условий его деятельности, а также внести дополнения в Президентскую программу «Развитие и сохранение культуры и искусства в Российской Федерации».

2.3. В целях сохранения и изучения культурного наследия народов Российской Федерации осуществить государственный заказ на создание, формирование и издание литературы (каталогов, альбомов, сборников научных трудов, справочно-энциклопедических и учебных изданий, методических пособий) об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации. Определить источники финансирования указанного государственного заказа.

2.4. Рассмотреть вопрос о создании Союза исторических столиц стран региона Балтийского моря. Подготовить обращение к странам региона Балтийского моря о проведении учредительного съезда Союза исторических столиц данного региона в 1998 году.

3. ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ:

3.1. Обеспечить правовую защиту и поддержку особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, ускорив подготовку и принятие Закона об охране и использовании памятников истории и культуры в Российской Федерации.

Е. А. Рябинин

ЗАМЕТКИ О ЛАДОЖСКИХ ДРЕВНОСТЯХ

(О «двух культурах» раннесредневековой Ладogi)

1. При изучении ранней культуры Ладogi особое значение традиционно уделяется ярким свидетельствам развитой производственной деятельности и широким внешним связям поселения середины VIII—X вв. Археологические материалы начального периода свидетельствуют об особом месте этого раннегородского образования среди синхронных поселений Поволховья, и шире, большинства исследованных памятников лесной зоны Восточной Европы. Вспомогательное положение при этом занимают данные, характеризующие повседневный быт ладожан и соответствующий им рядовой культурно-хозяйственный комплекс. Хотя последней теме и посвящен ряд исследований (массовая керамика, находки костяных изделий, ткани, находки из кожи, дерева бересты, железа, камня и глины), результаты этих работ не сведены в единое целое. Акцент на неординарные признаки памятника без должного учета остальных дефиниций нередко приводит к одностороннему изображению жизнедеятельности раннесредневековых обитателей Ладogi.

2. Культурно-бытовой уклад последних в наиболее полном виде «законсервирован» в вещевом материале жилищно-хозяйственных сооружений, принадлежащих отдельным семейным ячейкам. В связи с этим уместно привести перечень находок из некоторых ранее исследованных «больших домов», каталогизированных А. Н. Кирпичниковым¹. Постройка 3 (750—760-е гг.): два ножа, оселок, обрезки кожи, деревянный обруч, берестяной поддон, бронзовая фибула, костяной гребень, 12 бус, обмазка стен. Постройка 4 (770—810-е гг.): два топора, железный крюк, три ножа, два точильных камня, два берестяных поддона, деревянная лопата, обломки керамики, обмазка стен. Постройка 6 (840—850-е гг.): обломки керамики, кусок янтаря, 16 бус, обрывки кожи, веревки, бересты, деревянные поделки, куски стенной обмазки. Постройка 8 на Варяжской улице (вторая половина X в.): фрагменты керамики, два пряслица, обломок гребня, оселок, грузило, обрывки веревки, стеклянные бусы. В постройке 7 (840—850-е гг.), относительно которой А. В. Соловьевым высказано (как показал А. Н. Кирпичников лишенное должных оснований) суждение о ее принадлежности к княжеской гриднице, найдены: два куса янтаря, около 30 бус, костяная проколка, спил рога, два точильных камня, наконечник стрелы, обрывки кожи и веревки, деревянная чаша и скопкарь, грузило, лыжа, обломки керамики и обмазки стен, литейная форма, шлак. При этом связь с этим жилищем находки известной рунической палочки остается под вопросом.

3. Дополнительная информация о повседневной жизни ранних ладожан была получена при вскрытии в 1984 г. автором усадебного участка 3 (810—830-е гг.), обитатели которого занимались специфическим для своего времени ремесленным промыслом — стекловарением, бусоделием и обработкой янтаря. Из небольшого срубного жилища площадью около 16 м² с печью-каменкой в углу происходят 8 деревянных изделий обыденного назначения, обрывки лыковой веревки, оселок, пряслице, кремь, глиняный диск от ткацкого станка, 3 ювелирных украшения. Его своеобразие заключается в скоплении стеклянных и каменных бус, локализованных на остатках тары — берестяных поддонах и мешковине, обилии кусков янтаря и серийных изделиях из этого материала. Обращаясь к составу вещей, найденных на исследованной части усадьбы площадью 170 м², устанавливается следующее. Находки из органических материалов включают 12 деревянных предметов, остатки двух берестяных туесов, 4 куса кожи и 3 обрывка лыковой веревки, единичные фрагменты ткани и войлока. Изделия из железа представлены ладейной зак-

лепкой, двумя гвоздями, крюком; из глины — пряслицем и миниатюрным диском; из камня — серией точильных камней. Кроме того, здесь же найдены фрагменты гребней и иных костяных поделок (4 экз.), а также одно ювелирное украшение. Особый ремесленный характер обитателей «жилого гнезда» определяется локализацией в пределах усадьбы многочисленных бус и кусков янтаря, а в стеклодельной мастерской — шлаков и фрагментов тиглей.

4. Пожалуй, в наиболее полном виде традиции народной культуры нашли отражение в разнообразных поделках из дерева и бересты. В процессе наших раскопок на Земляном городище найдено свыше 100 определимых деревянных предметов, 85% которых происходят из отложений ЕЗ (750—830-е гг.). Если, по определению Б. А. Колчина, «археология Новгорода открыла неизвестный и невиданный доселе мир деревянных вещей древней Руси» X—XV вв.², то ладожские материалы документируют своим присутствием предысторию «деревянного века» русского средневековья. Не останавливаясь на их специальной характеристике следует отметить, что новые находки в подавляющей своей части соответствуют ассортименту деревянных вещей из предшествующих раскопок Ладоги и являются дополнением к накопленному фонду источников. Их значение, в первую очередь, определяется приуроченностью к узкодатированным и наиболее древним отложениям памятника. Можно констатировать почти полное совпадение выработанных типов ладожских деревянных изделий VIII—первой трети IX в. с аналогичными категориями древнерусских находок второй половины X—XV вв. и позднейшими материалами севернорусской этнографии.

К орудиям вторичной обработки почвы относятся использовавшиеся в огородничестве лопаты (2 экз. из слоя 770—790-х гг.); мотыга, применявшаяся для окуливания огородных культур и при обработке уже засеянного участка земли (тот же слой); зуб бороны — суковатки из хозяйственной пристройки «большого дома» 890—920-х гг.; чекмарь — крупная глызобойка-колотушка, предназначенная для разбивания комков земли (810—830-е гг.). Среди находок, связанных со средствами передвижения следует отметить вяз — деталь саней, соединявшая между собой копылы, на которые устанавливалась санная платформа (810—830-е гг.), а также лодочное кормовое весло и уключину (770—790-е гг.). В массовом количестве и на разных уровнях встречались корабельные нагели, значительно реже — судовые кляпы. В отложениях

горизонта ЕЗ серийно представлены трепала и чесала, применявшиеся для обработки льна в текстильных цехах.

В тех же отложениях неоднократно встречались предметы кухонного обихода — мутовки, толкушки, лопаточки хозяйственно-бытового назначения. Особенно представительную группу образуют остатки резной, долбленной и точеной посуды (ковши, чаши, миски, корытца, ложки). Примечательна находка в слое 750—760-х гг. чаши, изготовленной на токарном станке. Это одно из древнейших деревянных точеных изделий как в самой Ладоге, так, соответственно, и во всей Восточной Европе³. В слое 770—790-х гг. обнаружены части цилиндрической кадки и ведра, в вышележащих отложениях 810—830-х гг. — фрагменты четырех бондарных стаканов.

Особую группу деревянных изделий образует детское игрушечное оружие. Известная ранее коллекция таких находок из Староладожского городища включала имитации 25 мечей и 2 копья. В ходе новых исследований обнаружены еще 13 игрушечных мечей и 2 копья. Некоторые поделки отличаются реализмом воспроизведения форм настоящего оружия европейских типов и их деталей⁴.

5. Эти выборочные примеры служат наглядным подтверждением одного важного историко-культурного заключения: археология раннесредневековой Ладоги отражает по существу два культурных мира, находящихся между собой в органическом единстве. Один из них связан с особым характером памятника, выделяющим его на фоне синхронных рядовых поселений Восточной Европы, другой же, наоборот, включает его в общую и более широкую сферу жизнедеятельности населения формирующейся Руси. Вероятно лишь при паритетном учете этих двух «миров» с достаточной ясностью будет раскрыт феномен перерастания международного торгово-ремесленного центра в древнерусский «пригород» Великого Новгорода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога. Итоги археологических исследований // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 8—13.
2. Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. С. 5.
3. Давидан О. И. О времени появления токарного станка в Старой Ладоге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 12. Л., 1970. С. 81—88; Давидан О. И. Деревянная посуда Старой Ладоги VIII—IX вв. Тот же сборник 31. Л., 1991. С. 131—135.
4. Рябинин Е. А. Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладоги // Древности Северо-Западной России. СПб., 1995. С. 55—56, рис. 2.

ГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ ПОВОЛХОВЬЯ И ПРОБЛЕМЫ УРБАНИЗАЦИИ СЕВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Территории Древней Руси принадлежат к тем районам Европы, где не были известны ранние формы урбанизации, восходящие к античности, и где появление городов было обусловлено развитием социально-экономических отношений в среде местных славянских племен в период становления варварских государств. Города, как новая форма социально-экономической организации общества, появились в период его серьезных структурных трансформаций, как экономические, военно-административные и культурные центры.

В отечественной исторической науке всестороннее представление о путях становления русских городов сформировалось к началу столетия и нашло свое отражение в трудах крупнейших представителей исторической мысли, таких как В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков. Город в построениях В. О. Ключевского приобрел «системосозидающее значение». Историк тесно увязал возникновение первых городов с процессом славянского расселения, рассматривал их генезис, как генезис экономических центров (торговых средоточий), а движущей силой в этом признавал внешнюю торговлю прежде всего восточную, имея в виду выходы славян к черноморскому, азовскому и каспийскому рынкам.

В конце 20-х—начале 30-х годов в советской исторической науке шел процесс активного внедрения идей марксизма, предполагавших примат социально-экономической обусловленности всей эволюции общественных структур, а формационность и классовая борьба превратились во всеопределяющие понятия. Эта «смена ориентиров» проводилась при резком отрицании наследия предшествующей историографии, в первую очередь, в лице В. О. Ключевского. Утвердилась мысль о монистическом пути возникновения городов на всей территории Руси как феодальных центров, появляющихся в наиболее густонаселенных сельскохозяйственных районах и обязанных своим рождением сельским округам. Лишь со временем подобные центры приобретали ремесленные и торговые функции. Места дальней торговли, торгово-военным путям, иноземным влияниям при таких построениях, естественно,

не оставалось или же признавалось их минимальное и вторичное значение. Подобные взгляды господствуют в отечественной исторической науке вплоть до наших дней.

Подход западных исследователей к пониманию проблем урбанизации в Скандинавии и на южном побережье Балтийского моря не был отягощен столь жесткими социологическими установками и схемами. Этот регион был сходен с территорией Руси тем, что также находился за границами непосредственного влияния римских традиций, а процессы урбанизации и формирования государственно-сти в скандинавском и западнославянском обществах были синхронны восточнославянским. На основе конкретных материалов было доказано, что первые города стали появляться на Балтике с начала VIII в. (древнейшее городское поселение — Рибе на западном побережье Ютландии возникло около 700 г.). В послевоенный период постепенно сформировалось представление, что города в этом регионе вырастали двумя путями: из поселений, которые являлись социальными (племенными, административными) центрами, и из поселений, как мест прежде всего дальней торговли (последние получили название «виков»). Этим объясняется многоплановость конкретных черт ранних городов и сложности унификации признаков урбанизации. Во второй половине VIII в. на Балтике сложилась система поселений, связанная с торговыми структурами, выходящими на Аббасидский Халифат. Древняя Русь оказалась важнейшим звеном в глобальном контакте Севера и Юга.

Широко развернувшиеся после войны и проводимые с перерывами вплоть до настоящего времени раскопки Ладоги, а также ведущиеся два последних десятилетия планомерные археологические исследования Рюрикова городища — древнейшего Новгорода, как и изучение других поселений Поволховья показали, что традиционная трактовка образования первых городов на Руси требует существенных корректив. Оказалось, что важнейшая роль в этом процессе в Северной Руси принадлежала внешней торговле, а особую роль сыграл проходивший через эти районы торговый путь между Балтикой и Исламским Востоком. С самого начала своего существования для Ладоги и Рюрикова городища (Новгорода) была характерна развитая ремесленная деятельность, торговля, судостроение, обслуживание торгового пути. Этим поволховские центры сближались с ранними городами всего Балтийского региона. Водные пути с «узелками» укрепленных поселений на ключевых участках и «узлами» зарождающихся городов составили каркас Новгородской земли, стали центрами распространения публичной власти государ-

ства. Не плотные сельскохозяйственные округа и не феодальные замки-усадыбы обусловили появление в Северной Руси первых городов, а дальняя торговля, активно втягивавшая в экономические отношения сельское население и способствовавшая формированию местных рынков, ремесло, ориентированное на обслуживание путей и военно-дружинных слоев общества, а также свойственные подобным поселениям «центральные функции» управления. Активную роль, начиная с середины VIII в., в самых различных сферах жизни общества и его экономики играли выходцы из Скандинавии — варяги.

Однако при всем сходстве начальной истории два поволховских центра — Ладога и Новгород, представляли собой две разные модели соотношения города и округа. Ладога, возникшая в середине VIII в. на северной окраине славянского мира, в двух сотнях километров от оз. Ильменя, где согласно русским летописям «седоша» словене, не имела в своих окрестностях плотного скопления сельских поселений. Хотя ладожский поселок не был единственным в нижнем Поволховье, ясно, что имеющаяся картина говорит о приречной агломерации, а не о группировках населения в местах наиболее удобных для занятия земледелием и скотоводством. Главными занятиями ладожан, определявшими «лицо» поселка, были обслуживание международного пути, торговля и ремесло, а аграрно-хозяйственная деятельность находилась во втором плане.

Совсем иная ситуация сложилась в истоке Волхова и примыкавшей к нему с юго-запада области ильменского Поозерья. На первое место в Приильменье этот район, как и Ладога, выдвинулся прежде всего в силу выгод своего географического положения. Здесь сходилась обширная сеть рек, охватывавшая огромные территории лесной зоны Восточной Европы. Тем самым пункт в истоке Волхова оказывался на перекрестке важнейших торговых путей, в том числе балтийско-волжского, и само его расположение здесь давало прекрасные возможности административного контроля широких территорий. У начала Волхова по крайней мере с середины IX в. существовало торгово-ремесленное и военно-административное поселение на Рюриковом городище (древнейший Новгород). Однако помимо выгодного географического расположения рассматриваемый район обладал еще одним важнейшим качеством — он являлся одним из самых заселенных и развитых в сельскохозяйственном отношении районов древней Новгородской земли. Природные условия, крайне благоприятные для ведения хозяйства, основанного на земледелии, и ключевое место на перекрестке важнейших водных артерий и определили то, что Поозерье и исток

Волхова стали ядром расселения славян в Приильменье и местом становления средневековой столицы Северной Руси. Торговый путь сам по себе мог обусловить, как в случае с Ладогой, возникновение значительного раннегородского поселения международного облика и его ведущую роль в развитии экономики района, но без развитой земледельческой округи (собственно земли), подобный центр не превращался в главный центр государственного образования.

Возникновение торгово-ремесленных и военных центров в VIII—X вв. в Балтийском регионе было обусловлено распадом прежних родо-племенных связей, формированием новых структур варварского общества и сложением в этой среде трансевропейских торговых путей. История Руси, естественно при ее определенном своеобразии, не была обособлена от истории других народов региона. В конце X—начале XI вв. на Руси и в странах, примыкающих к Балтике, в историческом плане практически синхронно происходила стабилизация государственных структур, распространялось христианство, шло формирование новых экономических районов, базирующихся на прогрессе внутренней экономики государств, внешние связи уходили на второй план. Эти процессы сопровождались созданием новой системы опорных центров — «новых» городов. В истоке Волхова это проявилось в смещении центра городского образования с Рюрикова городища на место современного Детинца. На Руси рассмотренный путь формирования первых городов на базе торгово-ремесленных поселений не являлся всеобщим и единственным, но для нескольких центров, прежде всего в северной части страны, он очевиден.

В общем плане проступающие контуры новой концепции сложения первых городов на Руси, подкрепляемые ежегодно пополняемыми археологическими материалами раскопок городских центров и поселений Поволховья, во многом восходят не к построениям Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова, а к русской исторической мысли начала столетия — идеям В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова и А. Е. Преснякова.

В. А. Назаренко

ЛАДОЖСКИЕ «БОЛЬШИЕ ДОМА» И ПРИЛАДОЖСКИЕ «ДОМА МЕРТВЫХ»

(Об одном из возможных решений проблемы)

Идея сходства внутреннего устройства курганов юго-восточного Приладожья и жилищ его древних обитателей

принадлежит еще А. А. Спицыну. В конце прошлого столетия в своих «Дополнительных замечаниях» к опубликованному им исследованию этих погребальных памятников Н. Е. Бранденбург высказал предположение об имитации приладожскими курганами «жилищ-юрт» с очагом в центре и делением на мужскую и женскую половины. Позже в советской историко-археологической науке, отчасти на этой основе, сложилось представление, согласно которому смысловым стержнем приладожской погребальной обрядности является, достаточно широко распространенная, идея создания дома для умершего. Конкретный прообраз его многие исследователи, вслед за В. И. Равдоникасом, видели в «больших» ладожских домах с очагом в центральной части жилого помещения. Таким образом, одним из главных факторов, оказавших влияние на формирование специфики погребальной обрядности и связанных с ней особенностей внутреннего устройства приладожских курганов признавалась территориальная и культурная близость раннесредневековой Ладоги. Изложенную точку зрения вплоть до недавнего времени разделял и автор этих строк.

Между тем, еще в 1935 году П. Н. Третьяков при раскопках городища «дьякова типа» в устье р. Сонохты, притоке Верхней Волги, открыл наземное срубное погребальное сооружение, тогда же получившее название «домика мертвых» и датированное исследователем серединой I тыс. н. э. Следующая такого рода находка была сделана лишь спустя 30 лет. В 1966 году на позднедьяковском городище близ Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом было раскопано еще одно погребальное сооружение, уже определенно связавшее «дома мертвых» с дьяковским или генетически и культурно близким ему населением.

Повторное обнаружение на городищах середины I тыс. н. э. «дома мертвых», даже принимая во внимание находку в центральной его части, смещенных ко входу остатков костра, называемых исследователями «открытым очагом», тогда, в начале 70-х годов, казалось все же недостаточным основанием даже для рассмотрения этих памятников и приладожских курганов рубежа I и II тыс. н. э. в рамках одной погребальной традиции. Попытка же ревизии или уточнения исхода из этих взглядов на связь особенностей ладожского домостроительства и специфических черт внутреннего устройства погребальных сооружений в юго-восточном Приладожье выглядела бы тем более неубедительной.

Изучение погребальной обрядности Приладожской курганной культуры, осуществленное автором в 1970-е годы,

выявило следы, позволившие предположить возможность наличия среди относимых к ней памятников сооружений типа «домов мертвых» (курган I у дер. Залющик из раскопок Д. Европеуса). Обнаружение же и раскопки в 1975 году квадратных в плане насыпей (первоначально скорее всего заполненных грунтом срубов) с очагом в центре погребальной площадки, разделенной на мужскую и женскую половины (могильник у дер. Карлуха на р. Ояти), уже прямо указывали на существование в юго-восточном Приладожье и на прилегающих к нему территориях новой достаточно многочисленной группы памятников, — деревоземляных погребальных сооружений, — по-видимому представляющих собой одно из звеньев типологической цепи, связывающей приладожские курганы и «дома мертвых» позднедьяковских поселений.

В 1982 году такого рода сооружение с хорошо сохранившимися деревянными остатками было раскопано А. Н. Башенькиным на р. Суда. В течение последующих лет там же и на территориях к югу от этого района обнаружился, в том числе и на поселениях, целый пласт погребальных древностей второй половины I—начала II тыс. н. э., определенно связанный с традицией захоронения умерших в «домах мертвых». Нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что в открытых А. Н. Башенькиным памятниках, в случае наличия ритуальных очагов и кострищ, отсутствует устойчивая привязанность их к центральным частям сооружений и не прослеживается, как правило, деление погребальных площадок на мужскую и женскую половины.

В целом, эволюция памятников, представляющих традицию захоронения умерших в «домах мертвых» на территориях, непосредственно прилегающих к юго-восточному Приладожью, может быть охарактеризована как постепенное исчезновение внутри сооружения незаполненного грунтом пространства и приобретение им все более курганообразного облика. При этом следует заметить, что существенное влияние на процесс эволюции памятников в рамках интересующей нас традиции оказывало соседство и взаимодействие обитателей данных территорий с появившимся здесь во второй половине I тыс. н. э. населением, оставившим длинные курганы и сопки.

Собственно в юго-восточном Приладожье первые погребальные сооружения, безусловно представляющие традицию захоронения умерших в «домах мертвых», с достаточно хорошо сохранившимися деревянными частями были раскопаны в 1986 году (могильник у дер. Горка на р. Паше). К настоящему времени такого рода памятников известно уже довольно много. Десять из них раскопано и

столько же может быть опознано среди курганов, исследовавшихся нашими предшественниками. Найденный при раскопках вещевой материал не позволяет датировать наиболее древние из них временем ранее второй половины IX столетия. Самый поздний памятник этой традиции в Приладожье может быть отнесен к XIII—XIV вв.

Отсутствие в юго-восточном Приладожье памятников типа «домов мертвых», датирующихся серединой второй половины I тыс. н. э. несколько ограничивает возможности рассмотрения их развития на данной территории. Однако, даже имеющиеся материалы все же могут быть признаны достаточными для вывода о том, что не только характеристики (неустойчивость привязки очагов и ритуальных кострищ к центру сооружений, сравнительная редкость их деления на мужскую и женскую половины), но и основные тенденции эволюции такого рода памятников (постепенное исчезновение незаполненного грунтом пространства внутри сооружений) в интересующем нас регионе и на прилегающих к нему территориях обнаруживают определенную схожесть. При этом нельзя не отметить преимущественную связь типологически наиболее архаичных из открытых нами «домов мертвых» с самыми юго-восточными (средние течения рр. Паши, Капши и Ояты) частями ареала приладожских погребальных памятников. В то же время следует вспомнить, что специфические особенности внутреннего устройства приладожских курганов (центральное расположение очага и деление на мужскую и женскую половины) в наибольшей степени характеризуют памятники западных частей ареала Приладожской курганной культуры и прежде всего круглые погребальные насыпи нижнего течения р. Паши.

Сопоставление изложенных выше наблюдений позволяет сделать ряд конечно же нуждающихся в дальнейшей проверке и детализации заключений. Во-первых, формирование уже многократно упомянутых специфических особенностей погребальной обрядности приладожских курганов, смысловым стержнем которой является идея создания дома для умершего, происходит на рубеже I и II тыс. н. э. в среде хорошо знакомого с курганным способом захоронения пришлого населения под влиянием местной традиции захоронения умерших в «домах мертвых». Во-вторых, из двух групп пришельцев, носителей культуры сопков, по-видимому славян и обитателей побережья Балтики, прежде всего скандинавов (а именно с ними можно связывать появление курганного способа захоронения в рассматриваемом регионе), идею создания дома для умершего усваивают и развивают в своей погребальной обрядности в основном последние. Это выходцы из Скандинавии,

либо осевшие в низовьях рр. Паши и Ояти, либо сразу проникшие далее вглубь юго-восточного Приладожья. Со всей определенностью изложенное следует из того факта, что в среднем течении р. Сяси, вплоть до места впадения в нее р. Тихвинки, то есть на стыке ареалов приладожских курганов и сопок, связь очагов с центральными частями погребальных сооружений слаба, а разделение их на мужскую и женскую половины практически неизвестно. Наконец, в-третьих, конкретный прообраз домов, имитируемых приладожскими курганами с очагом в центре и делением на мужскую и женскую половины, следует видеть как в собственно ладожских «больших» постройках, так и в имеющих с ними ряд общих черт и известных скандинавам североевропейских домах-халле. Близость этих построек приладожским «домам мертвых», возможно, объясняет ту восприимчивость, с которой выходцы из Скандинавии переняли и переработали в рамках курганного способа захоронения идею создания дома для умершего.

О. И. Богуславский

ЛАДОГА И ПРИЛАДОЖЬЕ

Очевидно, что заселение и развитие юго-восточного Приладожья стимулировалось не столько выгодой земледельческого освоения территории, которое в силу природных причин вряд ли было возможно, сколько потребностями обмена и рынка, не в последнюю очередь — международных. Несомненно ведущая роль в этом процессе принадлежит Староладожскому поселению. Выходцы из Ладоги, среди которых, видимо, было много скандинавов, неоднократно проникали на территорию юго-восточного Приладожья. Это проникновение стимулировалось постоянным повышением спроса на пушнину, поставщиком которой являлись финские племена. Отражением интенсивности связей между Ладогой и юго-восточным Приладожеством является увеличение или уменьшение процента типов вещей, запаздывающих* в погребениях юго-восточного Приладожья по сравнению с Ладогой.

Первые, видимо происходившие от случая к случаю, контакты скандинавов с населением юго-восточного Приладожья, относятся к VIII в. Возникшие связи несомненно

* В настоящей работе термином «запаздывание» мы называем ситуацию, когда датировка однотипных вещей в погребальных комплексах юго-восточного Приладожья и в Ладоге отличается, причем эти вещи появляются в Ладоге на 30—60 лет раньше, чем в Приладожье.

повлекли за собой вовлечение, может быть и небольшой части, приладожского населения в сферу ладожских интересов. В 860-е гг. характер контактов скандинавов с местным населением коренным образом меняется. Эти изменения носили отнюдь не локальный характер, поскольку совпали с пожаром Староладожского поселения, с появлением могильника в урочище Плакун (Богуславский, Яблоник, 1987:26). В письменных источниках эти процессы нашли отражение в виде легенды о призвании варягов. Активизация движения по трансевразийским путям и увеличение спроса на пушнину стимулировали появление в низовьях рек Паши и Ояти отдельных скандинавских поселенцев, выступавших в качестве посредников в меховой торговле Ладоги с местным населением. Начальный период средневековой истории юго-восточного Приладожья, относящийся к 860—890 гг., характеризуется весьма тесными связями Ладоги и Приладожья, поскольку процент запаздывающих типов вещей один из самых низких за весь период существования культуры и составляет около 16%. По всей вероятности, торговые операции вскоре приобрели здесь несколько иной характер за счет создания в этих районах своего рода «факторий», концентрирующих к определенному времени большие партии товара, поскольку большинство торговых поездок скандинавов, в силу ряда причин, были сезонными (Херрман, 1986:89-101). Основную работу по сбору мехов у разбросанного населения выполняли, видимо, выходцы из местной среды, причем отнюдь не из родовой знати. Об их составе, роли и социальном статусе говорит, с одной стороны, практически полное отсутствие женских погребений этого периода, с другой — присутствие в погребальном наборе большого количества оружия, а также коней, при полном отсутствии престижных изделий, таких как мечи. Видимо, в этой среде и сложился своеобразный обряд погребения, объединивший местные и скандинавские традиции и материальная культура, включавшая скандинавские вещи, или поступившие при посредстве скандинавов, финские изделия и предметы массового производства ладожских ремесленников.

В 890—920 гг. интенсификация меховой торговли, видимо, к расширению контактов населения юго-восточного Приладожья непосредственно с купцами, двигавшимися по трансевразийским магистралям. Об этом новом свидетельствует некоторое снижение интенсивности связей Ладоги с Приладожьем, выразившееся в увеличении процента запаздывающих типов вещей, которое достигает значения около 20%, при общем возрастании количества привозных изделий. Непосредственный контакт с охотни-

ками, добывающими шкуры, все же, по-видимому, остался в руках сформировавшейся ранее группы местных жителей, в силу малой плотности древнего населения. Прямой контакт с купцами и связанное с этим увеличение спроса на товары Восточной торговли привели к расширению круга этих людей. Об этом свидетельствует увеличение количества памятников и разнообразие их погребальных ритуалов, возможно, отражающее разнотнечность, вовлеченного в эти процессы населения. Об изменении социального статуса и состава этой группы людей говорит увеличение женских и парных — мужских и женских — погребений, а также появление в погребальном наборе престижных изделий — бронзовых ювелирных украшений, в первую очередь скандинавских, и оружия.

Период 920—950-х гг. можно рассматривать как период активного участия жителей Приладожья в трансевразийской торговле, трасса которой проходила по территории Приладожья. Это заключение основано на большом количестве и разнообразии привозных изделий, в том числе и болгарских, которые практически отсутствуют в это время в Ладогe, и на интенсивном притоке арабского серебра в юго-восточное Приладожье, в то время, как в Поволжье и в бассейне Ильменя фиксируется его относительное замедление. Основное движение товаров в это время, видимо, связано с вновь образовавшейся Волжской магистралью.

Изменение трассы движения предметов восточной торговли привело к сильным изменениям в регионе южного Приладожья. В первую очередь это отразилось на характере торговых связей. За счет формирования пути через земли юго-восточного Приладожья его жители получили возможность непосредственного контакта с купцами, двигавшимися по Волжскому пути, а также возможности его контроля. Связанное с этим новое увеличение спроса на пушнину, а возможно и на другие предметы восточной торговли, например рабов, привело к увеличению числа памятников и к большему их разнообразию, а также к увеличению количества комплексов с оружием, которое известно почти во всех мужских погребениях этого периода. По всей вероятности, другим результатом повышения спроса на предметы импорта стало расширение контактов приладожского населения с другими финскими племенами — основными поставщиками этих товаров, о чем говорит увеличение круга финских древностей. С новым характером торговли связано снижение интенсивности связей между Ладогой и Приладожьем, что, возможно, отражает некоторую самостоятельность последнего. Процент

вещей, запаздывающих в Приладожье по сравнению с Ладогой достигает максимума и возрастает до значения около 25%.

В 950-е гг. можно говорить об интенсификации поступления куфического серебра в бассейн Волхова и Ильменя, о чем свидетельствует выпадение серии кладов (Носов, 1976:105—106), а также о начале поступления западноевропейского серебра, которое фиксируется в Новгороде между 972—989 гг. (Потин, 1982:130—131). Видимо, к этому же времени относятся и некоторые ладожские монетные находки. Погребальные комплексы юго-восточного Приладожья периода 950—980-х гг. демонстрируют очень тесную связь с Ладогой. Об этом свидетельствует самый низкий из известных процент типов вещей, запаздывающих по отношению к Ладоге, который снижается до значения около 10%. Эта характеристика тем более показательна, что процент запаздывающих вещей изменяется от одного из самых высоких значений к самому низкому.

Период 950—980-х гг., по нашему мнению, связан с изменением трассы Волжского пути и перемещением его северного участка в бассейн Волхова и Ильменя. Об этом свидетельствует снижение интенсивности поступления в юго-восточное Приладожье монетного серебра и привозных изделий, а также увеличение числа находок монет в Ильменском бассейне. Видимо, предметы, связанные с трансевразийской торговлей, поступали в юго-восточное Приладожье опосредованно, то есть через Ладогу, отражением чего стало повышение интенсивности связей Приладожья со Староладожским поселением.

Изменение трассы Волжского пути несомненно привело к снижению товарооборота, связанного с трансевразийской торговлей и к потере юго-восточным Приладожьем возможности контроля пути. Кроме того, видимо, в это время произошло и общее уменьшение роли Волжской магистрали в связях центров Балтийского региона с исламским миром, о чем говорит резкое сокращение поступления восточных товаров в Скандинавию не позднее 970-х гг. Северные страны стали получать необходимое для торговых операций серебро из Западной Европы (Лебедев, 1985:117). Отражением этого, вероятно, является и появление на Северо-Западе Руси первых западноевропейских монет. Эта ситуация привела к высвобождению в Приладожье значительного количества вооруженных людей, что сделало возможным их участие в общерусских военных операциях. Косвенно об этом свидетельствует значительное сокращение, по сравнению с предыдущим периодом, количества погребений с оружием. С достаточной уверенностью можно говорить об участии выходцев

из Приладожья в походах Владимира на Византию и Придунайские земли в 980-е гг. Отражением этого участия стало появление в Приладожье византийских монет и венгерских поясных наборов.

К сожалению, плохая сохранность культурных слов Староладожского поселения в период после 990-х гг. не позволяет нам рассмотреть на археологическом материале вопросы взаимодействия Ладоги и юго-восточного Приладожья. Но, на наш взгляд, проанализированный период развития позволяет сделать определенные выводы. Во-первых, можно заключить, что взаимодействие юго-восточного Приладожья и Нижнего Поволжья в первую очередь зависели от характера международной торговли в регионе и непосредственной локализации такой важной торговой магистрали, как Восточный путь. Во-вторых, обе части Южного Приладожья — юго-восточное Приладожье и Нижнее Поволжье — при всей близости происходивших в них процессов, являлись достаточно самостоятельными организмами со своими внутренними закономерностями развития и историческими путями. В-третьих, юго-восточное Приладожье следует расценивать как район весьма динамичных международных связей, культура которого живейшим образом откликалась на процессы, происходившие на широких территориях от Балтийского моря до Византии и от Западной Европы до Евразийских степей.

ЛИТЕРАТУРА

Богуславский О. И., Яблоник Д. Л., 1987. Ранние скандинавские находки в юго-восточном Приладожье в контексте синхронных скандинавских импортов // История и археология Новгородской земли. Новгород.

Лебедев Г. С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.

Носов Е. Н., 1976. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—IX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VIII.

Потин В. М., 1982. Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

Херрман И., 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М.

О. И. Давидан

СТАРОЛАДОЖСКИЕ ДРЕВНОСТИ В ЭРМИТАЖЕ

Староладожская коллекция Эрмитажа, составляющая более 40 тысяч единиц хранения, занимает особое место в изучении истории древней Ладоги не только по количе-

ству археологических находок, но и потому, что они происходят главным образом из раскопок Земляного городища, исследованного на площади более 2000 кв. м, и освещают историю Ладоги со времени ее возникновения в середине VIII века до XVI—XVII вв.

Первое поступление в Эрмитаж вещей из Старой Ладоги относится к началу нашего столетия, когда из Русского археологического общества были переданы в Эрмитаж, найденные в Ладоге 2 свинцовые печати и скандинавская фибула (коллекция 1005). В 1931—1932 гг. при организации отдела доклассового общества (в настоящее время — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири) из собрания Русского археологического общества и из Артиллерийского музея поступили материалы исследований Н. Е. Бранденбурга, проведенные в 1884—1885 гг. в Старой Ладоге — на территории Каменной крепости (колл. 888), на месте разрушенных древних храмов (колл. 1480, фрески), а также вещи из раскопок курганов в непосредственной близости от Ладоги (колл. 694).

Систематическое формирование рассматриваемой коллекции началось с 1947 г., когда Г. П. Гроздилов — постоянный заместитель начальника Староладожской экспедиции В. И. Равдоникаса, стал после войны работать в Эрмитаже и вместе с ним его сотрудники начали принимать активное участие в полевых работах и в обработке материалов раскопок. По решению В. И. Равдоникаса ящики с добытыми вещами привозились сразу же после поля в Эрмитаж для камеральной обработки, составлялись подробные описи для приемки на постоянное хранение. С этого времени Эрмитаж стал местом хранения материалов Староладожской экспедиции Равдоникаса 1947—1950, 1957—1959 гг. (описи хранения 7—10, 67—71, 84—85). Эта часть коллекции имеет наибольшую ценность, так как находки имеют точный паспорт и могут быть сопоставлены с дневниками, чертежами и другой полевой документацией. Кроме того, именно при раскопках в 1947, 1950 и 1958—1959 гг. впервые были вскрыты самые древние слои Земляного городища, датированные, начиная с середины VIII века.

В 1952 г. в Эрмитаж поступили материалы раскопок курганов в урочище «Плакун» (отряд Г. П. Гроздилова Невской экспедиции под руководством Н. Н. Гуриной, опись хранения 65). В 1953, 1955 гг. коллекция значительно пополнилась после передачи в Эрмитаж материалов довоенных раскопок В. И. Равдоникаса, которые хранились до этого в Ленинградском университете (описи хранения 12—21) и коллекции из Музея Этнографии народов СССР раскопок и раскопок в Старой Ладоге, осуще-

ствленных в 1909—1913 гг. Н. И. Репниковым. Обе коллекции сохранились не полностью. Дело в том, что в здании Исторического факультета университета в сентябре 1941 г. был развернут госпиталь, старолadoжские материалы перенесены в ящиках в подвал и находились там без особого присмотра до возвращения Университета из эвакуации в мае 1944 г. Многие вещи пропали, а перевезенные в Эрмитаж экспонаты потребовали больших усилий по приведению их в порядок.

Коллекция вещей из раскопок Н. И. Репникова также не является полноценной, так как во время наводнения 1924 г. материал, хранящийся тогда в Русском музее, был перемешан, частично утрачен вместе с полевой документацией. Сейчас можно пользоваться только старыми музейными описями, в которых отсутствуют данные о месте находок и стратиграфии, а имеются лишь ссылки на ярус построек.

С 1960 до 1972 г. раскопки в Старой Ладогe не велись и в Эрмитаж поступили только находки из кургана в урочище «Плакун», исследованного в 1968 г. Г. Ф. Корзухиной (опись хранения 145). В 1972 г. начала работать Старолadoжская экспедиция под руководством А. Н. Кирпичникова и все находки стали передаваться не в Эрмитаж, а в Старолadoжской музей. В Эрмитаж были переданы только уникальный клад инструментов середины VIII в. (колл. 2551), несколько деревянных изделий и ткани из раскопок в 1975 г. Е. А. Рябина на Земляном городище (опись хранения 203), а также находки из раскопок Е. Н. Носова сопки неподалеку.

После передачи в 50-е годы коллекций из музея Этнографии и Университета в Эрмитаже были собраны по возможности все археологические материалы по исследованию древней Ладогe, открытые за 50 лет. Особый интерес представляли находки из нижних слоев Земляного городища (VIII—IX вв.), отражающие материальную культуру Ладогe времени формирования первой столицы древнерусского государства. Эту эпоху представляют различные категории находок из горизонта Е. Кроме тысяч обломков глиняных сосудов в Эрмитаже хранятся различные бронзовые украшения (среди них: 4 височных кольца, подвески, бляшки, цепочки), 4 литейных формы, 12 тиглей и льячек; изделия из железа: 3 наконечника копий, 6 наконечников стрел, удила, 3 топора, сошник, кузнечные клещи, около двух десятков ножей; изделия из кости: 14 гребней, 4 игральные шашки, резные фигурки, коньки, проколки; деревянные изделия: стержень с рунической надписью, 3 антропоморфных фигурки, более 50 образцов деревянной посуды, и в том числе сделанной

на токарном станке, части кораблей, детали саней, орудия обработки льна, деревянные мечи и копье, 4 лыжи и их обломки, десятки обрывков шерстяных, шелковых и льняных тканей; более 50 кусков кожи (детали обуви и обрезки); тысячи бус из стекла, сердолика, горного хрусталя; более сотни находок из янтаря (бусы, подвески и кустики без обработки).

Староладожская коллекция Эрмитажа пользуется заслуженным вниманием исследователей. К ней обращаются специалисты не только нашей страны, но и многие зарубежные ученые. На материалах этой коллекции опубликованы десятки статей, вещи экспонировались на выставках в Эрмитаже и на международных выставках. Коллекции староладожских древностей, которые хранятся в Староладожском музее существенно дополняют эрмитажное собрание.

З. Д. Бессарабова

НАБОР ВЕСОВЫХ ГИРЕК ИЗ СОПКИ 15-1 У СТАРОЙ ЛАДОГИ

В 1970 г. отряд Староладожского музея под руководством В. П. Петренко исследовал разрушившуюся частично сопку 15-1 (нумерация В. П. Петренко) в южной части урочища Победище за южной околицей Старой Ладogi.¹ В сопке, обложенной по кругу булыжником и валунами, были обнаружены остатки четырех погребений по обряду трупосожжения на стороне, ритуальное захоронение коровы и ритуальный очаг.

Инвентарь погребения 3, располагавшегося с внешней стороны каменного кольца сопки, включал бронзовую подвеску со «знаками Рюриковичей», бронзовую орнаментированную бляшку-застежку, семь весовых гирек, четыре стеклянных бусины, несколько сильно окислившихся железных предметов; здесь же были встречены два обломка лепной керамики. В. П. Петренко относил это погребение к X в., скорее, ко второй его половине.²

Из найденных гирек опубликованы только три.³ В настоящей работе представляем их полный набор (рис. 1). Все семь гирек — железные, с тонким бронзовым или медным покрытием. Шесть гирек — сферические, бочонковидные, седьмая — 14-гранная, в форме куба со срезанными углами. Сферические гирьки имеют на круглых плоских площадках «глазки» — знаки весового достоинства — и орнаментальный ободок из мелких кружочков

(«зерни»); в нескольких случаях ободок сохранился плохо. «Глазки» наблюдаются и на 14-гранной гирьке. Гирьки пострадали от коррозии. Наблюдаются повреждения оболочки, трещины, мелкие утраты металла, частичная деформация. Знаки весового достоинства в полном составе отчетливо просматриваются только на гирьке 2, по нашей нумерации. На остальных они или сохранились неполностью, или выявляются с трудом. Предлагаемый рисунок гирек — результат пристального изучения их с лупой при разном освещении. Там, где позволяло состояние оболочки, производилась иногда осторожная механическая расчистка участков площадок от окиси. Это позволило выявить несколько не заметных ранее знаков. Вес гирек определялся дважды. Еще в 1970-е гг. их взвесил сотрудник Новгородского музея В. Н. Суховаров. В переданном им в Староладожский музей заключении приводятся результаты взвешивания, к сожалению, без указания, к какой гирьке относится тот или иной вес: 3,58; 12,11; 12,25; 23,63; 31,60; 38,92; 39,58 г. Позднее гирьки были взвешены сотрудницей химической лаборатории Гос. Эрмитажа Л. С. Гавриленко; именно эти данные приводятся в нашем описании гирек.* Номера гирек в тексте соответствуют их номерам на нашем рисунке. Верхние грани гирек на рисунке обозначаются в тексте буквой «А», нижние — «Б».

Гирька 1. Музейный инвентарный №: КП-691/А-500. Высота 11,2 мм, диаметр 16 мм. Вес — 12,082 г. А. В средней части площадки выявляются три кружочка в один ряд. Б. Отчетливо видны два кружочка; они имеются на рисунке в работах В. П. Петренко. Однако, при внимательном рассмотрении наблюдается еще один кружочек такого же диаметра у края площадки, в один ряд с двумя первыми. Трудно сказать, является ли он тоже знаком весового достоинства или же относится к декоративному ободку, сохранившемуся на этой гирьке очень плохо.

Гирька 2. КП-695/А-504. Высота 12,6 мм, диаметр 15 мм. Вес — 12,21 г. А. Один кружочек в центре площадки. Б. Два кружочка в центре площадки.

Гирька 3. КП-693/А-502. Высота 15 мм, диаметр — до 19,7 мм. Вес — 23,56 г. А. Три кружочка; от одного из них отходит волнистая линия, не соединяющаяся с другим глазком. Б. Видны два кружочка, от одного отходит волнистая линия. Вполне вероятен третий кружочек, поврежденный коррозией, в нижней части площадки.

* Пользуюсь случаем выразить благодарность В. Н. Суховарову и Л. С. Гавриленко.

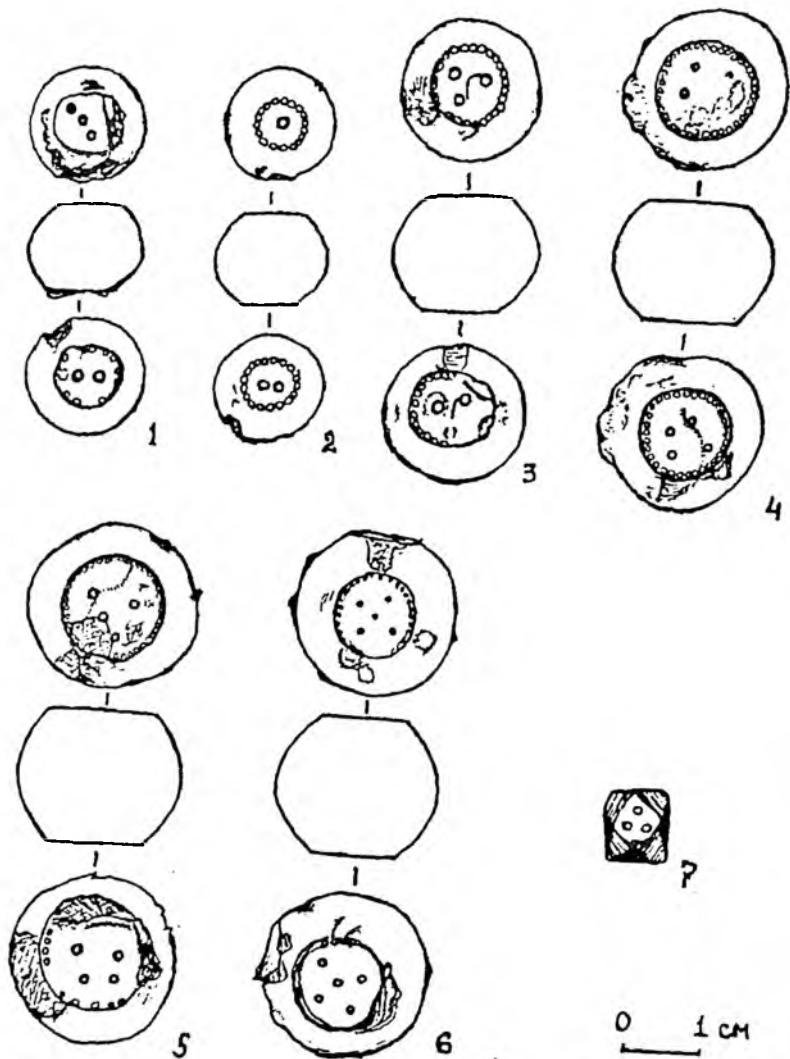

Рис. 1. Набор весовых гирек из сопки 15-1 в южной части урочища Победище.
Раскопки В. П. Петренко.

Гирька 4. КП-692/А-501. Высота 15,6 мм, диаметр 21 мм. Вес — 31,496 (31,50) г. А. Почти половина площадки повреждена. На уцелевшей ее части видны два кружочка. Судя по их расположению, должно быть еще не менее двух знаков. Б. Видны 4 кружочка.

Гирька 5. КП-696/А-505. Высота 17 мм, диаметр — до 22,5 мм. Вес — 38,498 г. (38,5 г.) А. Видны 4 кружочка. Судя по их расположению, знаков могло быть пять. Пятый был, возможно, как раз там, где часть обложки утрачена. Б. Видны 4 глазка. Первоначальное их количество неизвестно: площадка сильно повреждена.

Гирька 6. КП-694/А-503. Высота 18,3 мм, диаметр 22 мм. Вес — 39,51 г. А. Представлены 5 маленьких кружочков. Б. Площадка повреждена, знаки просматриваются плохо. Удалось выявить пять маленьких кружочков, расположенных так же, как на первой грани.

Гирька 7. КП-697/А-506. 9×9, 7×9 мм. Вес — 3,55 г. На одной из шести подквадратных граней видны три кружочка. Не исключено, что четвертый мог быть в поврежденном уголке. Кроме того, судя по старой фотографии, глазок мог быть также в центре площадки. На остальных подквадратных гранях никаких знаков рассмотреть не удается; часть этих площадок сильно повреждена. То же самое можно сказать и о маленьких треугольных гранях.

В связи с данным интересным набором гирек возникает еще целый ряд вопросов, требующих дальнейшего исследования. Пока же отметим, что в фонде археологии нашего Музея-заповедника хранится еще один комплект весовых гирек, найденный в Южном Победище. Этот уникальный набор включает десять сферических гирек и одну 14-гранную.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. П. Петренко. 1). Работы Староладожского музея. АО 1970 года, М., 1971, с. 32. 2). Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладogi. КСИА, вып. 150, М., 1977, с. 55—62. 3). Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994, с. 127, 81, 82, 88. Материалы раскопок сопки хранятся в фонде археологии Староладожского музея-заповедника.

2. В. П. Петренко. Раскопки сопки, стр. 61.

3. В. П. Петренко. 1). Раскопки сопки, стр. 58, рис. 2, 8—10. 2). Погребальный обряд, стр. 82, рис. 43, 8—10.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК НА ЗЕМЛЯНОМ ГОРОДИЩЕ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Могильник, расположенный в самом центре площадки Староладожского Земляного городища, к юго-западу от руин церкви св. Климента, занимает среди памятников древней Ладogi особое место. Он был открыт в ходе раскопок В. И. Равдоникаса 1938—1940 гг. и отнесен им к горизонту Г (XI—XII вв.). Хронология памятника опиралась исключительно на данные стратиграфии, так как никакого датированного инвентаря вскрытые погребения не содержали. Снизу могильник подстилали постройки горизонта Д. Сверху он был перекрыт культурными остатками XIII—XV вв., а также вымостками из плит и линзами привозного речного песка. Эти последние, как первоначально полагал В. И. Равдоникас, появились здесь в XV—XVI вв., в ходе нивелировки поверхности и строительства соборной площади (1).

Тезис В. И. Равдоникаса о появлении в Ладoge XV—XVI вв. соборной площади, мощенной камнем, в настоящий момент вызывает большие сомнения. Таких мостовых не обнаружено даже в крупнейших городских центрах позднего средневековья, не говоря уже о малых городах, подобных Ладoge. Следует также отметить, что плитняковые развалы и вымостки обнаруживались в раскопе на разных уровнях, так что уже в ходе работ осторожно предполагалось наличие второго, более древнего горизонта плит. Отметим, что погребения, отнесенные В. И. Равдоникасом к XI—XII вв., ни разу не подстигались и не прорезали собою слои плитняка и песка. В связи с этим возникает вопрос: не являются ли указанные отложения хотя бы частично *остатками строительства церкви св. Климента 1153 г.*? Следует отметить, что на участке, раскопанном В. И. Равдоникасом в 1949 г. к западу от могильника, совершенно аналогичные остатки уже прямо связывались им с этим строительством (2). Такое же объяснение получили они и в ходе раскопок Е. А. Рябиной на Земляном городище в 1970—1980-х гг. (3). Наконец, аналогичные по характеру отложения (линзы привозного песка и плитняка), зафиксированные Г. Ф. Корзухиной в шурфе в Каменной крепости Ладogi, также были интерпретированы ею, как остатки церковного строительства XII в. (4).

Если такое предположение верно, то древнейший горизонт погребений, залегающий ниже плитняковых вымосток и прослоек речного песка, можно с большой степе-

нью вероятности датировать периодом до 1153 г. Это в общем согласуется с представлениями автора раскопок, относившего могильник к XI—XII вв. Погребения верхнего горизонта (выше слоев песка и плитняка), в подавляющем большинстве относятся уже к новому времени (XVII в.) (5). Можно предположить, что исследованный участок не охватывает всей площади кладбища, и отсутствие погребений второй половины XII в. и позднее объясняется тем, что они просто не попали в раскоп. Следует отметить, что территория к юго-востоку от храма до сих пор остается неисследованной из-за плохой сохранности культурного слоя. Не сохранилось никаких данных и о том, находили ли костяки в 1911 г. в ходе работ Н. И. Репникова на соседнем участке? Между тем, на самой границе раскопов Н. И. Репникова и В. И. Равдоникаса в 1938 г. был зафиксирован целый ряд погребений (6).

Нижняя дата раннесредневекового могильника на Земляном городище определяется в настоящий момент как по данным стратиграфии, так и по результатам радиоуглеродного анализа костей. Непосредственно под костями залегают постройки горизонта Д 950—960-х гг. (ярус IX по С. Л. Кузьмину) (7). Постройки горизонта Д-верхнего (конец X—нач. XI в.) здесь незафиксированы, однако, безусловно, должно было пройти некоторое время, чтобы над остатками 960 гг. накопился тот слой, в котором затем были выкопаны могилы. Следует отметить, что полоса застройки 970—990 гг. сохранилась на участке, непосредственно примыкавшем к могильнику с запада (раскоп 1948 г.). Верхней границей этого яруса является слой пожара, который можно связать с победоносным походом ярла Эйрика 997 г. (8). В последующие десятилетия застройка в указанной части Земляного городища, по-видимому, отсутствовала. Это согласуется с наблюдениями Е. А. Рябина, который отмечает аморфный и, скорее всего, нежилой характер слоя с находками XI—XII вв. под валами в западной части городища. Таким образом, весьма правдоподобным, на мой взгляд, выглядит предположение, что поход Эйрика и вызванное им опустошение привели к серьезным изменениям в планировке и структуре отдельных частей Староладожского поселения. Массовая жилая застройка в центре площадки Земляного городища уже не возобновилась более. Напротив, именно с рубежа X—XI вв. здесь начинает функционировать кладбище. Дата эта, представляющаяся наиболее вероятной на основе анализа стратиграфии, недавно была подтверждена данными радиоуглеродного анализа костяков. Образец,

исследованный Г. Посснертом по методу акселерации в радиоуглеродной лаборатории Уппсальского университета (Швеция), отнесен им к периоду около конца X в.

Близкое соседство кладбища и построенной здесь в 1153 г. каменной церкви св. Климента наводит на мысль о возможном существовании на том же месте более раннего храма (возможно, деревянного), возникшего на рубеже X—XI вв. В свете такого предположения вполне логично объясняются и исчезновение жилого квартала, и начало захоронений в центре площадки городища, и особенности погребального обряда. К раннесредневековому горизонту могильника можно отнести около 70 раскопанных погребений. Из них взрослым мужчинам достоверно принадлежат 44, женщинам — 5. Имеются захоронения детей и подростков. Все они были совершены по обряду ингумации в неглубоких грунтовых ямах и ориентированы головой на ЮЗ и ЗЮЗ. Планировка могильника довольно беспорядочная, хотя местами прослеживается подобие «рядов». Руки погребенных, как правило, вытянуты вдоль тела, реже сложены на лонном соединении (9). Обращает на себя внимание полное отсутствие инвентаря, хотя факт нахождения в одной из могил тончайших пластинок листового золота (у ворота) указывает на высокое имущественное положение погребенного (10). Такая ситуация выглядит весьма необычной для периода конца X—первой половины XII в., когда даже люди, несомненно крещенные, нередко погребались в курганах и в камерах с богатым набором оружия и сопровождающего инвентаря (11). Необычность памятника долго порождала непонимание и недоверие к материалу. В результате археологи более полувека обходили его своим вниманием. Могильник, практически не содержащий вещей, оставался в поле зрения исключительно антропологов (12). Новейшие краниологические исследования подтвердили, что в ряду синхронных по времени древностей Северо-Запада этот памятник, действительно, стоит особняком. Помимо уже отмеченного резкого преобладания мужского компонента (около 90% от числа взрослых), могильник примечателен тем, что его мужская краниологическая серия является единственной на Северо-Западе, которая достоверно относится к кругу норманнских форм. В связи с этим уже неоднократно высказывалось предположение, что могильник на Земляном городище представлял собой место захоронения варягов-дружинников, служивших в Ладоге (13).

Поскольку именно XI век охватывает собой период существования Ладожского ярлства под властью Рагнвальда и его сына, длительное присутствие там большой нор-

манской дружины не вызывает никаких сомнений. Важно отметить другое: люди, похороненные на Земляном городище, явно были христианами, принявшими «полное» крещение. Только этим может объясняться ортодоксально христианский характер погребального обряда, заимствованный из монашеской культуры того периода. Он исключал те вольности и уступки старинным традициям, которые допускались в отношении так называемых «оглашенных» христиан (14). Те, кого уже в конце X—XI вв. хоронили по такому обряду, должны были отнюдь не формально принадлежать к церковной общине и неукоснительно исполнять все заветы церкви в быту. На Руси в указанный период последнее еще было редкостью, чем и объясняется, по видимости, «языческий» характер большинства ранних древнерусских могильников с ингумациями. Однако, для Скандинавии период конца X—XI вв. представлял собой бурное время насаждения христианства (часто насильственного) и резкого разделения знати на два лагеря по конфессиональному признаку. В такой обстановке точное исполнение всех предписанных церковью обрядов получало особое значение. На основании ладожских материалов можно предположить, что скандинавская группировка, обосновавшаяся в Ладоге в период правления ярлов (а, возможно, и раньше) принадлежала именно к ортодоксально христианскому лагерю. Это было вполне в русле политики Ярослава Мудрого, оказывавшего помощь и поддержку конунгу-христианизатору Норвегии Олафу Харальдссону. Таким образом, изучение могильника на Земляном городище позволяет бросить некоторый свет на «темный» период в истории Ладоги, которым по праву считается XI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Равдоникас В. И. Старая Ладога // КСИИМК, 1945. Вып. XI. С. 31—34.
2. Рукописный Архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1949. № 48. Л. 8—9.
3. Выражаю искреннюю признательность Е. А. Рябину за консультации по вопросам стратиграфии раскопов 1970—1980-х гг.
4. Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // СА, 1961. № 3. С. 77.
5. Равдоникас В. И. Ук. соч. С. 31—32.
6. Рукописный Архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1938. № 238. Л. 15, 17—18.
7. Кузьмин С. Л. Ярусная стратиграфия Староладожского городища // Сборник статей памяти В. Д. Белецкого. СПб. (в печати).
8. Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980. С. 153.
9. Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1938. №№ 238, 240; 1939. №№ 172, 174, 184; 1945. № 24.
10. Равдоникас В. И. Ук. соч. С. 34.

11. Мусин А. Е. Христианские древности средневековой Руси IX—XIII вв. (по материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 18—20.

12. Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян. М., 1973. С. 26.

13. Санкина С. Л. Козинцев А. Г. Антропологическая характеристика серии скелетов из средневековых погребений в Старой Ладоге // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб., 1995. С. 91—107.

14. Мусин С. Е. Ук. соч. С. 9—10.

Д. А. Мачинский

ВОЛХОВСКАЯ РУСЬ (VIII—IX вв.)

1. Сообщения Бертинских анналов под 839 г. о поклах народа Rhos в Ингельгейме и Ибн Хордадбеа (830-е—840-е гг.) о русских купцах в Багдаде, в меньшей степени — сообщения ал-Йакуби о нападении русов на Севилью в 843/44 гг. и ал-Хорезми (830-е гг.) о горе Рус суммарно убеждают в том, что этносоциум рос/русь к началу 840-х гг. стал известен от Багдада до Ингельгейма, а, возможно, и до Севильи.

Путь возвращения послов-росов из Константинополя через Рейн уже указывает на северное расположение их исходной территории; отождествление их со свеонами заставляет локализовать ее в Поволховье, потому что только здесь (в пределах будущей Руси) постоянное проживание скандинавов к 830-м гг. доказывается археологически и имеет давние (с 750-х гг.) традиции. Именованье главы росов хаканом также говорит в пользу Северной Руси, так как самое близкое ко времени упоминание о хакане Руси содержится в восходящем ко втор. пол. IX в. рассказе Ибн Русте о болотистом и лесистом острове русов, связанном речными путями с Волжской Болгарией и локализуемом, по моему мнению, в Приильменье. Именно территория будущей Северной Руси была в перв. пол. IX в. связана, судя покладам арабских монет, с Болгарией и Хазарским каганатом.

Сообщение Ибн Хордадбеа, что русы приезжают из «отдаленнейшей части земли славян», также свидетельствует в пользу локализации их среди северных славян, из коих объективно «отдаленнейшими» от Передней Азии были ильменские словене. Упоминание Ибн Хордадбеа о торговле русов мечами, сложившейся к 830—840-м гг., может быть сопоставлено с распространением на территории Руси единственного типа «рейнских» мечей, который синхронен указанному свидетельству — с мечами типа В, которые к западу от Руси датируются в пределах втор. пол. VIII—перв. пол. IX вв.

Единственный меч достоверно этого типа найден у дер. Бор на р. Оять и, вероятно, попал сюда не позже сер. IX в., так как в Приладожской курганной культуре (далее ПКК), возникающей в последней трети IX в., такие мечи не встречаются. В сопках Поволховья оружие ближнего боя отсутствует, на зато в слоях Земляного городища Ладоги втор. пол. VIII—перв. пол. IX вв. встречены деревянные копии мечей, некоторые из коих уверенно определяются как копии мечей типа В. Меч из некрополя у пос. Новосёлки в междуречье Зап. Двины и Днепра отличается от классического типа В и оказался в погребении в конце IX в. Таким образом, распространение мечей типа В показывает, что именно через Поволховье и Приладожье эти мечи экспортировались русами на юго-восток.

Свидетельства источников IX в., которые при сопоставлении их с данными археологии указывают на Поволховье как базовую территорию руси перв. пол. IX в. и на Ладогу как ее центр, подтверждаются данными «саг о древних временах», которые сохранили память о ситуации, когда главной резиденцией конунга в Gardar/Gardariki была Aldeigja/Aldeiqjuborg (Ладога), а Nogardar/Holmgardaborg (Новгород, т. е. Рюриково городище) если и упоминается, то в конце саги и как более поздний центр.

2. В сообщении Бертинских анналов обращает на себя внимание трогательная забота византийского императора Феофила о благополучном возвращении на родину послов народа Rhos, которых он резко отличает от других «варварских..., ужаснейших, отличавшихся безмерной дикостью» народов. Сопоставление этого сообщения с синхронным свидетельством Ибн Хордадбеха о том, что русы в Багдаде «выдают себя за христиан» и с рассказом Vita Ansgarii о посольстве свеев к кесарю Хлодвигу в 829 г. с просьбой прислать к ним христианских миссионеров (за чем и последовала поездка св. Ансгара) позволяет предположить, что росы в 838—39 гг. в Константинополе в той или другой форме также обнаружили свой интерес к христианской вере. Древнейшими предметами на территории Руси, связанными с христианской культовой практикой, являются фризские кувшины из могильника Плакун около Ладоги, попавшие в погребения, видимо, уже в середине третьей четверти IX в.

3. Итак, к 830-м гг. в Поволховье существовало социальное образование рос/русь, видимо, именовавшее свою базовую территорию Gardar («огороженные усадьбы?»), имевшее в своем составе скандинавов и славян и распространившее свою военную, торговую, дипломати-

ческую и религиозную активность на весьма обширную часть Евразии. Археологическим соответствием ей является «культура волховских сопок» VIII—IX вв. Центр этносоциума, главная резиденция ее хакана (конунга) князя, судя по всему, должен был располагаться, в соответствии со свидетельством ПВЛ о первой резиденции Рюрика, в пределах нынешней Старой Ладogi. Единственный возможный конкурент — Рюриково городище — возникло не ранее середины IX в. и стало центром Волховской руси (судя по археологическому и историческому контексту) не ранее 860-х гг.

4. Истоки этого этносоциума лежат в перв. пол. VIII в. (если не ранее). Пока не вижу никаких оснований отрывать от древнейшего горизонта «культуры сопки» древнейшее погребение в сопке № 140 (Бранденбург), совершенное на платформе, обрамленной кругом из камней и имеющей в северной части треугольную каменную кладку. Датировка этого погребения по финским и приуральским аналогиям, по мнению ряда археологов, укладывается в VII в. и лишь азиатские параллели дают дату в пределах 680—740 гг.

Наличие треугольной кладки в одном горизонте с погребением объединяет древнейший горизонт сопки № 140 с древнейшими горизонтами других сопки, имеющих треугольные каменные конструкции, либо обращенные острым углом на С и СВ, либо находящиеся в северной части погребальных сооружений (сопка № 145, Бранденбург; сопка 4—I, Петренко; «Полая сопка» с отходившим от нее на север треугольным сектором, обрамленным двумя рядами камней). Хронологически сопка № 140 смыкается с той же «Полой», которая начала создаваться в пределах VII—перв. пол. IX вв., и с погребением около сопки 15—IV (Петренко), датируемым VIII в. Наличие треугольных каменных кладок сближает эти ранние горизонты сопки со скандинавскими погребениями вендельского времени. Эпическая традиция Скандинавии говорит о включении территории Северной Руси в число территорий, освоенных скандинавами в посл. трети VII—перв. трети VIII вв. (Ивар Широкие объятья).

Район Старой Ладogi, судя по всему, был включен в это время в систему торгово-сакрально-даннических связей, простиравшихся в широтном направлении от Средней Швеции до Прикамья.

Отмечу, что погребения сопки № 140 и 15—IV на «Победище» отстоят на солидное расстояние от пока древнейшего поселения «Ладожского комплекса» на Земляном городище, и нет уверенности, что соответствующее им поселение находилось именно на нем.

5. После работ Е. А. Рябинина общеизвестно, что скандинаво-(балто?)-славянское поселение на Земляном городище возникло в 750-х гг., и составной его частью была уникальная для Восточной Европы кузнечно-ювелирная мастерская. Уже в 750—760-х гг. жители этого поселения получали арабские монеты, поступавшие или по волжско-донским путям из Халифата, или через Прикамье. Отмечалось, что возникновение этого поселения совпадает с периодом тесного союза между Халифатом и Хазарским каганатом в 738—762 гг., когда каган и его окружение временно приняли ислам. Начиная с 780-х гг., включение поселения в систему торговых связей по Волжско-Донским путям становится несомненным. Развитие поселения как важного пункта на военно-торгово-сакральных путях представляется в основном преемственным, однако, это преемственность нарушается пожарами, иногда связанными с некоторой сменой населения, с преобладанием то скандинавов, то кривичей (и словен?), то нарвы/меревы. В 810—830-х гг. на поселении ощущается, как считали С. Л. Кузьмин и А. Д. Мачинская, явное усиление «кривичско-словенского» компонента.

Однако, археологический материал не дает оснований утверждать, что в 750—840 гг. аристократический центр поселений «Ладожского комплекса», резиденция хакана (конунга) князя находились именно в раскопанной части Земляного городища, рядом с огнеопасными кузнечными и стеклодельными мастерскими.

6. К началу IX в. выявляется территория, непосредственно контролируемая «волховской русью». В это время уже несомненно существуют тесно связанные многими чертами культуры с «Ладожским комплексом» такие хорошо защищенные опорные пункты, как «Холопий городок» в стратегически важной точке верхнего течения Волхова и городище (а также селища и сопки) у д. Городище на р. Сясь. Возникновение первого пункта говорит о том, что к рубежу VIII—IX вв. все течение Волхова, включая пороги, контролируется русью. Второй пункт находился у крупнейшего на Сяси Рождественского порога и контролировал кратчайший водный и сухопутный (вдоль рек и по рекам зимой) путь из Приладожья в Поволжье. Уже сейчас можно утверждать, что поселенческий комплекс на Сяси возник не позднее конца VIII в., а найденный там дирхем втор. пол. VIII—перв. пол. IX вв. является первой ласточкой, оповещающей о предстоящем осмыслении роли этого пункта в Волго-Балтской торговле в сер. VIII—нач. X вв. Комплекс на Сяси просуществовал до первой четверти X в. и, таким образом, он, как и Ладога, как бы связывает русь первоначальную и Русь

Рюриковичей. Отождествление городища на Сяси с Алаборгом скандинавских саг открывает возможности комплексного историко-археологического исследования.

7. Крупные изменения происходят начиная с 840-х гг. В Ладоге после пожара ок. 840 г. резко усиливается скандинавский этнический компонент, заселяется район Варяжской улицы. После другого пожара в Ладоге в середине 860-х гг. падает интенсивность застройки на Земляном городище. В близкое время возникает норманнский могильник на Плакуне, поселение на Рюриковом городище, в Приладожье начинает складываться ПКК (колбяги). Этот новый период отмечен тем, что, судя по всему, роль главной резиденции князя начинает играть древний Ногард (Невогард, Новгород, Хольмгардаборг) — т. е. Рюриково городище и усиливается роль его «словенской» округи, в первую очередь, Поозерья и Поверья. Однако Ладога/Альдейгьюборг, судя по данным саг и летописи, также остается резиденцией князя (конунга) еще в конце IX—нач. X вв. Именно в 890-е гг. здесь строится «большой дом», по размерам, архитектуре и сопровождающим находкам претендующий на роль княжеского дворца и существующий (с перестройками) в перв. пол. X в. (раскопки Рябинина).

Видимо, только в этот период (судя по данным летописей, саг, арабских авторов и топонимики), вокруг Ильменя и в его окрестностях вплоть до Верхней Луги социэтнотним «русь» становится обозначением базовой территории полиэтничного государства (простирающегося до Зап. Двины и Верхней Волги), т. е. собственно Русью, ядром Древней Руси с династией Рюриковичей во главе, а потом, после переноса столицы в Киев, «внешней Русией» (Русью) Константина Багрянородного. Этот новый этап истории Волховско-Ильменской Руси требует отдельного исследования.

С. Л. Кузьмин

ВОЛХОВСКИЕ ПОРОГИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Волховские пороги, как один из ключевых участков пути «из варяг в греки», давно привлекали внимание исследователей. Однако, систематического изучения, как топографической ситуации в районе порогов, так и подробного археологического обследования данного микрорегиона, насколько нам известно, не предпринималось.

В течение полевого сезона 1997 г. Северо-Западной экспедицией Санкт-Петербургского филиала Российского НИИ культурного и природного наследия были проведены комплексные работы на территории г. Волхова (финансирование осуществлялось мэрией города). Пороги, скрытые ныне водами Волховской ГЭС, в древности представляли собой мощную преграду на важнейшей коммуникации Северной Руси. Несомненно, что это обстоятельство должно было сказаться на формировании поселенческой структуры в рассматриваемой местности.

Первые поселения появляются здесь еще в каменном веке. Особый интерес представляют памятники эпохи раннего металла. В районе д. Дубовики известна находка шлифованного ладьевидного каменного топора. На территории д. Шкурина Горка, на мысу, при впадении ручья в Волхов, выявлено поселение с мощным культурным слоем и материалами, аналогичными материалам некоторых памятников Южного Приладожья («под Сопкой», Исады, Усть-Рыбежна-2 и др.), отнесенных Н. Н. Гуриной к концу II—I тысячелетиям до н. э. В эпоху раннего железного века освоение района Волховских порогов продолжилось. Памятники этого периода найдены вблизи церкви Михаила Архангела и в Халтурине (бывш. село Петропавловское), возможно, слой раннего железного века был в Новых Дубовиках.

Но подлинный расцвет поселенческая структура на порогах несомненно переживала в эпоху средневековья, с момента продвижения в низовья Волхова славян и скандинавов и начала функционирования военно-торгового пути с Балтики вглубь Восточной Европы, а далее в страны Халифата и Византию. В зоне порогов зафиксирован сгусток сопки — культово-меморативных земляных сооружений, основная масса которых была воздвигнута, судя по всему, в IX—X вв. Сопки выявлены в основном при начале порогов и связаны они, прежде всего с двумя крупными поселениями: у д. Новые Дубовики и на месте села Михаила Архангела. Материалы поселений позволяют определить их нижнюю дату не позднее IX (Новые Дубовики) и первой половины X вв. (Михаил Архангел). Площадь этих поселений достигает 5—6 га. На поселениях найдены предметы вооружения, зафиксированы следы металлообработки. Следы поселений, им синхронных, обнаружены еще в двух местах (Шкурина Горка, Халтурино). Вместе они образуют систему находящихся в визуальной видимости пунктов, окружающих начало и самый опасный участок порогов.

Особо следует отметить, что, зафиксированные в районе порогов, сопки характеризуются чрезвычайно крупны-

ми размерами. Высота большинства из них достигает 7—9 м, а насыпь, исследованная в 1884 г. Н. Е. Бранденбургом, даже 10,5 м при диаметре 30—32 м. Несомненно — возведение этих крупногабаритных земляных сооружений требовало огромных трудовых усилий и согласованных действий большого количества работников, что в свою очередь подчеркивает демографический потенциал населения, обитавшего в поселках при порогах и уровень его организации.

Учитывая особенности береговой линии и фарватера Волхова в рассматриваемой местности, становится ясно, что не позднее втор. пол. IX—перв. пол. X вв. здесь сформировалась сеть поселений, ставшая ядром средневековой Порожской волости, известной, по письменным источникам, с рубежа XV—XVI вв. Благодаря ей могла осуществляться эффективная система контроля за движением по Волховскому пути, особенно вверх по течению реки, вглубь Новгородской земли. Без доброй воли «хозяев» порогов пройти их фактически было нереально. Новгород был надежно прикрыт с севера.

Порядок прохождения этого опасного участка реки известен по торговым договорам с XIII в., но к этому моменту обслуживание караванов явно имело уже долгую историю. Практика разгрузки судов и доставки товаров по берегу предполагает наличие и сухопутных коммуникаций, и благоустроенных спусков к воде. Создание последних требовало тяжелых работ по пробиванию отвесных коренных известняковых берегов, достигавших высоты 16—20 м от тогдашнего уровня воды. Один такой спуск обнаружен в Халтурино (б. с. Петропавловское), в районе средневекового поселения. Симптоматично, что Волховские пороги на гравюре Адама Олеария, проезжавшего здесь в 1634 г., изображены именно с этого места.

Дальнейшее изучение района Волховских порогов несомненно позволит конкретизировать наши представления о важнейшей древнерусской водной магистрали.

С. В. Белецкий

ЛАДОГА И ПСКОВ В XII—XV вв. ПО ДАННЫМ СФРАГИСТИКИ

История как Ладоги, так и Пскова неоднократно привлекала внимание исследователей. Сведения письменных источников о судьбах этих городов до XIII в. включительно (а для Ладоги и позднее) скудны, так что важней-

шим источником, безусловно, остаются материалы археологических раскопок. Для Ладоги достаточно репрезентативны материалы раскопок древнейших слоев VIII—X вв., зато археологические материалы XI—XV вв. представлены весьма скупо. Напротив, для Пскова мы располагаем масштабно исследованными отложениями XI—XV вв., в то время как результаты раскопок древнейших отложений культурного слоя остаются предметом дискуссии, а сами материалы в основном не опубликованы. Очевидно, что при сравнении исторических судеб двух крупнейших (после Новгорода) городов Северной Руси, главной сложностью является выбор сопоставимых между собой источников.

Источником для сравнения, на мой взгляд, могут стать сфрагистические материалы. Правда, на первый взгляд, имеющиеся массивы сфрагистических памятников Пскова и Ладоги также несопоставимы: в Пскове найдено около 800 печатей и пломб, в то время как в Ладоге лишь около 100. Однако несопоставимость мнимая. Значительная часть псковского сфрагистического собрания представлена материалами, так называемого «архива», обнаруженного при раскопках в Довмонтовом городе. Без учета этого комплекса в Пскове найдено немногим более 200 печатей и пломб. Как и ладожские находки, памятники псковской сфрагистики найдены либо при случайных обстоятельствах в подъемном материале, либо при археологических раскопках в культурном слое. С учетом того, что масштабы раскопок, проводившихся в Пскове и Ладоге, различны (в Пскове в пределах средневекового города вскрыто около 5 га, в то время как в черте средневековой Ладоги лишь немногим более 3,5 тыс. м²) различие между Ладогой и Псковом по количеству сфрагистических находок оказывается не столь заметным.

ПСКОВ. Сфрагистическая коллекция из Пскова неоднородна. Ранняя серия (конец XI—XIII вв.) включает 37 печатей и более 20 пломб. Сфрагистические памятники позволяют проследить попадание в Псков документов, утвержденных в княжеской администрации Новгорода (конец XI в.) и в великокняжеской администрации Киева (нач. XII в.), фиксируют присутствие в Пскове княжеских посадников (середина XII в.), свидетельствуют о существовании в Пскове княжеского стола (вторая половина XII—начало XIII вв.). На вторую треть XIII в. приходится своеобразная «лакуна», так как от этого времени до нас не дошли достоверно атрибуированные памятники. В последней трети XIII в. в Пскове угадывается присутствие

княжеских посадников, а обе известные печати, атрибуированные псковскому князю Довмонту-Тимофею, найдены вне Пскова.

Сфрагистическая серия XIV—начала XVI вв. значительно более представительна. Без учета булл, составляющих комплекс «архива», в Пскове найдено не менее 160 печатей и около полутора десятков заготовок для печатей, свидетельствующих о развитии делопроизводства. Отчетливо фиксируются независимые друг от друга сфрагистические линии — светская и церковная. На рубеже XIII—XIV и в самом начале XIV в. в Пскове угадывается присутствие новгородских чиновников (как правительственных, так и республиканских), однако, уже в конце первого десятилетия XIV в. владычные наместники Пскова превращаются из представителей новгородского архиепископа в Пскове в представителей Пскова перед Софийской кафедрой, и это положение сохраняется до начала XVI в. (с коротким перерывом в начале 1440-х годов, когда псковские наместники были переподчинены московскому митрополиту). Вплоть до конца первой трети XIV в. в Пскове сохраняется княжеский стол, однако середина и вторая половина XIV в. — время безусловного всевластия структуры, полномочной выступать от имени псковского веча. Найденные в Пскове в это время единичные печати высокопоставленных новгородских чиновников свидетельствуют о наличии у Новгорода интересов в Пскове, однако говорить о новгородском административном присутствии в Пскове не приходится.

Процесс активного государственного строительства в Пскове приходится на первую четверть XV в. В 1404 г. сфрагистическую независимость от веча получает посадничье судопроизводство. В 1415 г. этот орган власти проходит реорганизацию, выразившуюся в появлении «гербовой печати». Через девять лет, в 1424 г. в структуре органов судопроизводства происходит разделение на две инстанции: судопроизводство по различным категориям уголовных и большинству гражданских дел переходит в ведение впервые созданного органа — Господы (судебная коллегия в составе князя, посадника и соцкого), а в ведении посадников остается кассационный суд. Тогда же вечевая властная структура лишается прав на использование в делопроизводстве печати с символикой всевластия. Есть основание утверждать, что в 1424 г. в Пскове завершился процесс распределения полномочий между тремя ветвями светского управления — представительной, исполнительной и судебной властью.

На протяжении последующих четырех с небольшим десятилетий сфрагистика Пскова фиксирует сравнительно

стабильное сосуществование трех институтов светской власти в городе. Следующая по времени реорганизация управления приходится на 1468 г. Формально сосуществование трех ветвей светской власти в городе сохранилось, однако статус их изменился: на печати Господы появляется новая формула легенды, в которой республиканские аллюзии заменяются утверждением великокняжеского сюзеренитета; посадничья печать утрачивает статус «гербовой»; на вечевой печати появляется дополнительная легенда, превращающая печать в регалию двойного подчинения. Есть основания утверждать, что с этого времени меняется статус Псковского государства, перешедшего на положение протектората Москвы. Такое положение сохраняется до января 1510 г., когда Псков окончательно теряет свою независимость, а стройная система управления, опирающаяся на разделение полномочий между независимыми ветвями власти, заменяется единой структурой под управлением представителя московской администрации.

ЛАДОГА. Сфрагистическая коллекция из Ладogi неоднородна. Ранняя серия (конец XI—XIII вв.) включает 21 печать и более 30 пломб, при этом сфрагистические памятники позволили проследить повышенный интерес к Ладогe как со стороны великокняжеской администрации (Киев, затем Владимир), так и со стороны различных властных структур Новгорода, а для последней трети XII—начала XIII вв. угадывается существование в Ладогe княжеского стола. Сфрагистическая «лакуна» в истории Ладogi приходится на вторую треть XIII в.: от этого времени до нас не дошло ни одного уверенно датированного сфрагистического памятника.

Сфрагистическая серия конца XIII—XV вв. включает не менее 39 печатей, причем треть из них принадлежат одной управленческой структуре — ладожскому наместничеству. Судя по сфрагистическим материалам, наместничество существовало по крайней мере вплоть до первой четверти—первой трети XV в. включительно. На протяжении всего этого времени статус ладожского наместника не оставался неизменным, и, кроме того, в деятельности наместничества угадываются по меньшей мере три перерыва. В годы святительства Климента (1276—1299) наместник являлся личным представителем новгородского архиепископа. В годы святительства владыки Феоктиста (1304—1307) управление в Ладогe осуществлялось представителями вечевых органов власти Новгорода. В годы святительства Давида (1309—1325), Моисея (1326—1330, 1352—1359) и Алексия (1360—1388) наместничество располагало значительной автономией от Софийской кафедры. Однако, в 30—40-е годы XIV в. сфрагистические

памятники фиксируют присутствия в Ладоге администрации князя Глеба-Наримунта. В конце периода святительства Алексия (около 1367 г.?) наместничество вышло из-под контроля новгородского архиепископа и перешло в юрисдикцию великокняжеской московской администрации: именно этим, вероятно, объясняется ликвидация наместничества в годы святительства Иоанна Хутынского (1389—1415) с передачей Ладоги под управление новгородским правительственным чиновникам. Восстановление ладожского наместничества с полномочиями, аналогичными полномочиям наместников времен Давида, Моисея и Алексия, происходит в годы святительства Симеона (1415—1421), однако вскоре (не позднее 1424 г.) статус наместника меняется — на смену должностной ответственности чиновника приходит ответственность персональная, а наместничество вновь переходит (вероятно, ненадолго) под юрисдикцию великого московского князя.

Сфрагистические памятники, характеризующие внутреннее управление Ладоги в более позднее время, пока не известны. О том, что в Ладоге размещалась в это время резиденция чиновника, обладавшего правом утверждения документов подвесными свинцовыми печатями, свидетельствуют находки однотипных разновеликих заготовок. Однако печати, соответствующие по своим техническим характеристикам этим заготовкам, пока не найдены (во всяком случае — в самой Ладоге).

Таким образом, домонгольская сфрагистическая серия из Ладоги в целом адекватна домонгольской серии из Пскова, хотя между этими сериями имеются и различия: ладожская серия начинает формироваться раньше псковской; отчетливых свидетельств присутствия в Ладоге княжеских посадников, направленных сюда из Новгорода в середине XII в., как будто бы, пока нет, в то время как в Пскове присутствие посадников князя Святополка Мстиславича документировано значительной серией (13 пломб от четырех пар матриц); ярко выраженного контроля со стороны великокняжеской администрации за Псковом в последней трети XII—начале XIII в., как будто бы, пока не фиксируется; нет отчетливых сфрагистических свидетельств внимания к Пскову со стороны органов управления Новгорода в XII—XIII вв.

Принципиально иная картина реконструируется для XIV—XV вв. В Пскове памятники сфрагистики позволяют реконструировать последовательное формирование внутренней структуры управления с первоначальным разделением власти на светскую и церковную и с последующим формированием политического устройства, опирающегося на разделение полномочий между независимыми ветвями

власти. В Ладоге, напротив, утверждается единственная управленческая структура — аппарат наместника, а изменения в характере управления городом фиксируются в попытках ликвидации наместничества с последующим его восстановлением, а также в неоднократных попытках переподчинения наместничества. Таким образом, фиксируемая по памятникам сфрагистики с XI в. (а по другим источникам и ранее) борьба за контроль над Ладогой — морскими воротами Новгорода и Руси в целом — продолжалась на протяжении всего периода самостоятельности Новгорода, хотя в XIV—XV вв. она и приняла несколько иные, нежели в предшествующее время формы.

Очевидно, что переломным в судьбах как Пскова, так и Ладоги моментом явилась вторая треть XIII в. Именно с последней трети XIII в. фиксируется первое серьезное различие в сфрагистических материалах Пскова и Ладоги: в Пскове угадывается присутствие самостоятельной княжеской администрации, в то время как в Ладоге появляется наместник. И в этой связи обращает на себя внимание сфрагистическая лакуна второй трети XIII в. — время активной деятельности Александра Невского, — отчетливо фиксирующаяся как в Пскове, так и в Ладоге. Очевидно, лакуна не случайна и вряд ли может объясняться только тем, что памятники сфрагистики этого времени пока не найдены. Однако статус как Ладоги, так и Пскова во второй трети XIII в. требует специального комментария.

А. Е. Мусин

ИСТОРИЯ ЛАДОГИ КАК ПАМЯТНИК РОССИЙСКИХ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ *

В конце XI века контроль новгородской администрации в Ладоге сопровождается появлением здесь документов, скрепленных княжескими и боярскими печатями. Вхождение Ладоги в епископальную юрисдикцию подтверждается находкой анонимной архиерейской печати 90-х годов XI в. (епископ Герман или св. епископ Никита). Важно временное совпадение обоих типов документов — церковное делопроизводство существовало рядом и наравне с государственным. В XII в. для города характерно отсутствие стабильной социальной организации. Кончанское устройство в Ладоге явилось привнесенным элементом и служит свидетельством «не только духов-

* Работа выполняется в рамках проекта РГНФ 97-01-00510 «Христианские древности Северной Руси IX—XIII вв.».

ной, но и организаторской роли церкви» (А. Н. Кирпичников). Название концов соответствует посвящению приходских храмов, и конец тождественен приходу. В Ладоге в 1150—70 гг. не только апробировалось церковное деление русского города, но и вырабатывался новый тип посадского храма. Формирование города демонстрирует удивительную согласованность в деле создания социальных и церковных структур. Очередное усложнение внешних и внутренних задач в конце XIII века вызывает схожий исторический ответ: в дело включается новгородская епархия. В Ладоге возникает владычное наместничество как специальный судебный орган церкви. Юрисдикция наместника простиралась на Корелу и Ижорское плато как единую структурную единицу Церкви (епископ Карельской епархии (1589 — 1617) именуется Ладожским и Копорским). Наместничество действует одновременно с посадничеством. Ладожские посадники конца XIII в. представляют боярскую фамилию Славенского конца (Михаил Федорович до 1256, Семен Михайлович до 1280, Матвей Семенович с 1291), которая тесно связана с архиепископом Климентом (события 1287 г.) и монастырским строительством.

Недавно была предложена реконструкция истории наместничества на основе свода ладожских печатей (С. В. Белецкий). Версия не лишена недостатков: относительная сложность, основанная на многих допущениях, ряд внутренних противоречий, отсутствие комплексности в подходе к проблеме, предполагающей привлечение письменных данных о церковной юрисдикции, отсутствие строгого разграничения церковной и светской юрисдикции, некоторая оторванность гипотезы от эволюции церковных печатей в XIV в., интерпретация должности наместника как административного, а не судебного чиновника, наделение наместника «автономной» властью и определенная субъективность восприятия некоторых типов сфрагистических изображений и отдельных печатей.

Характерной чертой гипотезы является дисконтинуирует епископской власти в Ладоге (1300—1308, 1331—1347/1360, 1367—1389 и после 1421 года). Это противоречит известной эволюции и характеру церковного права в XIV—XV вв. Его сфера в XIV в. расширяется за счет контроля над поземельными отношениями (расцвет анонимной буллы при архиепископе Моисее (1352—1360). В подчинении епископа продолжал состоять клир Ладоги и ее церковно-зависимое население. Новгородская судная грамота (НСГ, 1385—1471 гг.) предусматривает судебные полномочия новгородского архиепископа и его наместника в полном объеме (ст. 1—5). При этом

ст. 7/8 предусматривает пошлину по земельным делам, которая причиталась владыке, наместнику и ключнику именно от оформления документа («от печати гривна»). Наместничество, осуществлявшее церковное право, не могло быть заменено властью чиновника, осуществлявшего государственную юрисдикцию.

Разнообразие сфрагистических типов требует интерпретации, что мы связываем с разными видами дел, их документов и скреп, различными полномочиями чиновников, проистекавшими из прав, предоставленных им архиепископом, а также с изменениями в области эстетики и восприятия сфрагистических регалий.

Наместник епископа не мог действовать «совершенно автономно». Это основано на предположении, что крест на печати является эквивалентом Христа и свидетельствует, что магистрат обладает суверенной властью «от Бога». Понятие суверенной власти приложимо только к епископам (этой норме здесь соответствуют крест и имя сюзерена, занимающие аверс). Возможно другое прочтение креста на древнерусских печатях: сфрагистическое выражение обряда «крестоцелования». С крестом на печати может быть связана этимологически и процедурно система понятий НСГ «крест целовать на сей грамоте» (ст. 14). Документы, касающиеся двусторонних актов, потребовали печати с изображением креста как свидетельства правомочности сделки и гаранта искренности обеих сторон. Это распространяется на печати владычных наместников, в сферу деятельности которых входило регулирование имущественных отношений.

Новая версия истории наместничества предусматривает, что Кормчая 1280-х гг. впервые упоминает наместников. Параллельно с возникновением анонимной буллы с символом креста появляется печать ладожского наместника с изображением святого. Первая утверждала сделки между двумя сторонами, а вторая могла скреплять дела повышенной категории сложности. Печати времени святителей Феофиста и Давида (1300—1325) не известны, но на рубеже 20/30 гг. XIV в. в Ладоге возникает новый сфрагистический тип, который сочетает в себе имя архиепископа и крест как знак правомочности документа. Этот тип существует при владыке Алексии (1360—1388) и архиепископе Симеоне (1415—1421). Отсутствие печатей времен архиепископа Василия (1331—1352) и Иоанна (1389—1415) объясняется лакуной сфрагистического универсума, которая восполняется будущими находками. Возможно, одному из них принадлежит плохо читаемая печать упомянутого выше типа. Ко второй половине XV в. относится появление категории дел, предусматривающих

как должностную, так и персональную ответственность ладожских наместников за делопроизводство. Это влечет за собой появление новых сфрагистических типов. В это время сходит на нет тип наместничьих печатей с именами владык. Это свидетельствует об известном из письменных источников ограничении церковной юрисдикции в XV в., что повлекло за собой рассмотрение определенной категории дел непосредственно архиепископом. В XIII—XV вв. суд владычного наместника в Ладоге оставался практически неизменным, а разнообразие сфрагистических регалий связано с разнообразием судебной практики русского средневековья.

При усложнении внешних и внутренних задач в Ладоге в решении проблем активно участвует Новгородская епархия через создание новых институтов и храмовое строительство. Очевидно сочетание интересов государства и церкви в деле стабилизации общественных отношений на основе принципа разделения властных полномочий, в том числе и в судебной сфере. Церковная юрисдикция разумно и гармонично сочеталась со светской и восполняла правовой вакуум, имевший место и некоторых областях общественной и государственной жизни на Руси.

А. В. Плохов

СВЯЗИ МЕЖДУ СКАНДИНАВИЕЙ И ПОВОЛХОВЬЕМ ПО КЕРАМИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

Уже более двух столетий начальный период взаимоотношений между Северной Русью и Скандинавией является объектом пристального внимания историков и археологов. Обильный и разнообразный археологический материал (украшения, принадлежности костюма, предметы вооружения, амулеты, погребальный обряд) привлекается для изучения различных сторон связей между этими регионами. Однако, до последнего времени, керамика не обратила на себя внимание исследователей. Между тем, она является источником разнообразной информации о прошлом, в том числе и об этнокультурных контактах древнего населения. Особенно важные данные для изучения последних представляет лепная посуда. Наблюдения этнографов показывают, что у народов Восточной Европы она являлась продуктом домашнего или ремесленного на заказ производства и использовалась преимущественно в пределах

поселка, в котором изготавливалась. Обычно между гончарами и потребителями их продукции существовали родственные связи или они относились к одной и той же этнической группе.

Характерной чертой исследованных поселений последней четверти I тыс. н. э. Поволховья является наличие в их керамическом комплексе посуды с четко выраженным переломом, часто ребром, при переходе от плечика к конически сужающейся нижней части сосуда, приходящаяся на верхнюю треть или четверть высоты, и выделенной шейкой. Отдельные экземпляры, различаясь в деталях, сохраняют указанные объединяющие черты. Все горшки сделаны без применения гончарного круга из глины со значительным включением дресвы в тесте. Самые ранние «ребристые» сосуды на территории Северо-Запада России происходят из Старой Ладogi, где они присутствуют с момента возникновения поселения, то есть с середины VIII в. Этот вид посуды составляет около половины всех сосудов древнейшего пласта культурного слоя Ладожского городища. После работ Я. В. Станкевич, посвященных керамике Старой Ладogi, в литературе за сосудами «биконической формы» с резким переломом профиля закрепилось название керамика «ладожского типа».

После выхода в свет фундаментального труда Д. Селлинг по керамике Швеции эпохи викингов и раннего средневековья некоторые российские исследователи отметили близость ряда опубликованных сосудов горшкам «ладожского типа». Все эти сосуды были отнесены Д. Селлинг к группе AIV, состоящей из посуды, которая, по ее мнению, являлась продуктом местного производства. Изучение керамических коллекций показало, что из погребальных сооружений Швеции происходит двенадцать сосудов, которые по профилировке, формовочной массе, фактуре можно сопоставить с посудой Поволховья. Большая часть из них (одинадцать) найдена в огромном некрополе Бирки, который расположен на острове Бьёрко оз. Меларен в Средней Швеции. Двенадцатый горшок найден в курганном могильнике на соседнем с Биркой острове Адельсё. Почти все погребения, где были встречены отмеченные нами сосуды, совершены по обряду трупосожжения и датируются ранним и средним этапом эпохи викингов (вторая половина VIII—конец X вв.).

Шесть фрагментов горшков, близких керамике «ладожского типа», происходят с самого поселения Бирка, так называемой «черной земли» — мощного культурного слоя внутри городского вала. Четыре сосуда, близкие посуде Поволховья, имеются в древностях эпохи викингов

Аландских островов. Они происходят из могильников Johannisberg, Knösbuskarna, Västergårds, Söderåker и Långängsbåcken, которые расположены в разных частях о. Аланд.

Таким образом, насколько можно судить по имеющимся материалам, сосуды, близкие керамике «ладожского типа», в Скандинавии не многочисленны. Они практически полностью отсутствуют в материалах рядовых могильников Швеции эпохи викингов. Не имеется аналогичных горшков среди древностей этого региона и в предшествующее время. Важным представляется и то, что сосуды, имеющие аналогии в материалах Поволжья, найдены исключительно в Бирке, старейшем и крупнейшем торговом и ремесленном центре Швеции эпохи викингов, и его ближайшей округе, а также на Аландах, являющихся промежуточным пунктом морского пути, связывающего Северную Европу и Русь. Рассматривая вопрос о том, какая область Скандинавии наиболее тесно связана с Восточной Европой, ученые, на основании многочисленных археологических материалов, полагают, что таким местом, особенно для раннего и среднего периода эпохи викингов, является Средняя Швеция и Аландские острова. Наличие в этом регионе Скандинавии сосудов, характерных для древностей Поволжья, является еще одним проявлением интенсивных контактов викингов с Новгородской землей. Конечно, примитивная кухонная посуда не была предметом торговли, а из-за не очень большой прочности и не могла перевозиться на большое расстояние. Поэтому, хотя и нельзя полностью отрицать возможность таких перевозок, скорее всего, эта посуда была изготовлена на месте людьми, приехавшими из Руси.

Б. Г. Васильев

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ФРЕСОК ГОТЛАНДА И ДРЕВНЕЙ РУСИ

Публикация Э. Пильтц стенописей двух каменных церквей приходов Гарда и Каллунге на острове Готланд, датируемых автором второй половиной XII в., при детальном анализе некоторых художественных особенностей позволяют уточнить время их создания, авторство и специфику стилистики.

Исторические условия жизни Новгорода и его всесторонних связей с Готландом в XII в. не противоречат мнениям о возможном участии в украшении шведских храмов русских художников. Об этом говорят и единые стилистические корни фресок Готланда и Новгородской земли. Однако, ряд признаков декорации росписей Готланда, типы персонажей и приемы письма скорее говорят о более широкой сфере влияния на них искусства византийского мира. В свою очередь, и фрески Новгородской земли, как показали последние исследования, на протяжении всего столетия испытывали воздействие художественных течений восточных и западных районов Византии.

Сравнительная характеристика фресок церквей в Гарда и Каллюнге не оставляет сомнений как в единовременном создании, так и в работе здесь одной артели или в участии одних и тех же мастеров. Лучшей сохранности фрагменты стенописи церкви в Гарда обнаруживают черты стилистики, характерные для второй четверти XII в. Здесь, в частности, привлекает внимание неизвестная по новгородским памятникам особая изысканность в системе декорации интерьера. Обращает на себя внимание оформление порталов прямоугольными рамками с полукружиями орнаментальной полосы и с медальонами на голубом фоне по углам обрамления. Раппорты стилизованного растительного побега сопровождаются в росписи крупными и свободными по ритмике стеблями и розетками цветков, типичных для византийской миниатюры. К XI—нач. XII вв. восходит традиция имитации мраморных панелей в вариациях стенописей Готланда (как разнообразием мотивов, так и их спецификой). Примечателен прием оформления отдельных сцен и орнаментальных композиций трехполосными отгранками. На романские истоки стиля указывают особенности типов личин персонажей с прямым очертанием носа и правильным овалом головы, а также, к примеру, и такие детали, как мотив меандра на щите св. Феодора Стратилата — ? в Каллюнге. Характер постановки фигур в одеждах, прописанных параллельными ровными складками, и примененный художниками в моделировании ликов так называемого бессанкирного приема письма определенно указывают на традиции монументальной живописи первой пол. XII в. Кроме того, фрески Готланда обнаруживают и некоторые черты стилизации формы преимущественно в орнаментах, роднящие их с фресками Новгородской земли, однако проявляющиеся, несомненно, лишь в зачаточном состоянии и не сопоставимые с графической орнаментализацией последних.

Напрямую фрески Готланда не соотносятся ни с одним из известных памятников монументальной живописи Новгородской земли, лишь напоминая типажи молодых святых Софийского собора, а также перекликаясь с изображениями целителей на предалтарных столбах церкви Рождества Богородицы Антониева монастыря. Из церквей Старой Ладogi по приему бессанкирного письма и по специфике «мраморов» и растительных побегов фрески Готланда ближе всего предстоят росписям церкви Успения Богородицы середины XII в. и Св. Климента 1153 г.

М. Ф. Ягодзинский

ОТКРЫТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕГО ГОРОДА ЮЖНОЙ ПРИБАЛТИКИ ТРУЗО

Трузо — ремесленно-торговое поселение и порт у озера Дружно (северная Польша) на прусско-польском пограничье. Около 890 г. о нем сообщал англосаксонский писатель Вульфстан. Он описал свое путешествие из Хедебю на Ютландском полуострове до порта Трузо. Местоположение этого поселения удалось определить только в наши дни. Обнаруженное на восточном берегу озера Дружно поселение идентифицируется с Трузо на основании описания Вульфстана и с помощью археологии.

Городище было открыто в 1982 г. Оно находится, как упоминалось, на берегу озера Дружно в 5 км к югу от г. Эльблонга. Занимает территорию около 10 га. Во время раскопок 1983—1991 гг. изучен 1% этой территории.

Портовая часть поселения занимает береговую полосу. Здесь во время раскопок обнаружены остатки 9 ладей. Каждая достигала 9 м длины и 3 м ширины. Борты ладей скреплялись с помощью железных заклепок и деревянных нагелей, использовалась также смола. Ладьи были плоскодонными, предназначенными для неглубокой посадки и могли использоваться как для морского, так и, особенно, для речного и озерного плавания. В зоне нахождения ладей каких-либо деревянных причалов, трапов, других деревянных конструкций обнаружить не удалось, хотя они, скорее всего, существовали. С учетом протяженности береговой линии поселения (около 500 м) и расположения остатков ладей, можно предполагать, что их общее число в одновременном использовании составляло от 30 до 50.

В районе расположения Трузо сходились важные торговые пути и сухопутные и, особенно, водные. С запада в Трузо и через него везли вино в глиняных сосудах типа «Бадорф», монеты, чеканенные в Хедебю, стеклянные сосуды. Через Русь в Трузо попадали арабские монеты. Всего их целых и обломков обнаружено около 100. В их числе клад, состоящий из 11 целых и 5 фрагментированных монет эпохи Аббасидов и Сасанидов. К вещам восточного происхождения относятся также гирьки, фрагменты весов, обломки драгоценных камней — аметиста, сердолика, горного хрусталя. О контактах со Скандинавией свидетельствуют бронзовые и серебряные украшения, изделия из сланца, рога и железа. С севера и северо-востока привозили меха и продукты леса. Трузо находился в соседстве с прусской Самбией, следовательно, был в зоне традиционной янтарной торговли. Найдены многочисленные куски янтаря и готовые вещи: кольца, подвески в форме топориков и молотков Тора, фишки для игры. Пруссы, несомненно, привозили в Трузо мед, а также домашних животных: коров, овец, свиней. Здесь продавали и невольников.

На поселении зафиксированы следы регулярной застройки в виде прямоугольных в плане домов, типа так называемых халле. Размеры построек от 5×10 м до 6×25 м. Стены первых делались наборными, вставными в пазы вертикальных столбов, вторых — из плетня. В центре построек находились очаги. Как в датском викингском городе Хедебю, в поселении существовала главная улица, проходящая параллельно берегу. Дома располагались также вдоль улиц, ведущих к порту. В домах были обнаружены необработанные и полуобработанные вещи, бракованные изделия, отходы производства. Здесь, очевидно, жили ремесленники-универсалы, изготавливавшие различные вещи из бронзы, серебра, кости, янтаря, железа. Ремесленники одновременно могли быть и торговцами. В упомянутых домах находились также остатки ткацких станков и обломки керамики (60% лепной, 40% круговой посуды).

Поселение было окружено полукольцевым валом со стеной и, по меньшей мере, двумя башнями и наружным рвом. По своим находкам и планировке Трузо наиболее близок к Хедебю. Возможно, что датчане были среди основателей Трузо.

По ряду признаков Трузо весьма напоминает Ладогу. В обоих городах обнаружены материалы, свидетельствующие о деятельности ремесленников-универсалов, преимущественно ювелиров. Изыскания в Трузо и Ладоге убеждают в необходимости сотрудничества археологов прибал-

тийских стран, в том числе Польши и России. Относится это к деятельности экспедиций, обмену специалистами, созданию совместных публикаций.

ЛИТЕРАТУРА

M. Jagodziński, Port w Truso, (w:) Morskie tradycje Elbląga, przeszłość i teraźniejszość, przyszłość, 1996.

M. Jagodziński, M. Kasprzycka. Zarys problematyki badawczej wczesnosredniowiecznej osady rzemieślniczo-handlowej w Janowie Pomorskim (gmina Elbląg), (w:) «Pomorania Antiqua», t. XIV, 1990.

M. Jagodziński, M. Kasprzycka. The early medieval craft and commercial centre at Janów Pomorski near Elbląg on the South Baltic Coast, (w:) «Antiquity», Vol. 65, Nr 248, September, s. 696—715.

И. В. Дубов

ЛЕТОПИСНЫЙ РОСТОВ — СТОЛИЦА РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛИ

1. Волго-Окское междуречье начиная с XI столетия было важнейшим участком Балтийско-Волжского пути. Новейшие археологические материалы дают возможность утверждать, что уже в XI веке в Ростовской земле широко развернулось славянское расселение и значительно продвинулся процесс формирования древнерусской народности. Под 862 годом летописи в связи с призыванием варягов называют Ростов среди первых русских городов. В современной отечественной историко-археологической науке дискуссионным остается вопрос о точном местоположении летописного Ростова (в дальнейшем Ростова Великого и Ростова Ярославского). Одни отождествляют его с реальным археологическим памятником, каковым является Сарское городище на берегу одноименной реки, а другие полагают, что он возможно находился прямо на берегу озера Неро (Ростовского), где и поныне находится современный Ростов. От решения этого коренного вопроса во многом зависит оценка социально-политической, экономической и культурной роли Ростова в истории не только Залесской земли, но и всей Северной Руси, начальной столицей которой являлась Ладога, связанная с Ростовом Балтийско-Волжским водным путем.

2. По представлениям восточных авторов во второй половине IX века на территории Древней Руси существовали три крупные области русов. Две из них достаточно достоверно идентифицированы: Куяба — Киев, Слава — Новгород, а вот вокруг третьей — Арсы идут дискуссии

вплоть до настоящего времени. Арабский писатель ал-Истахри сообщает, — «Еще племя называется Артания, а царь его живет в Арте».

Анализ письменных источников и, конечно, данные археологии позволяют предполагать, что Артания арабских источников — это будущая древнерусская Ростовская земля, а на роль ее столицы Арты — вполне может претендовать Сарское городище.

3. В IX веке в связи с началом славянского заселения Волго-Окского междуречья происходят существенные изменения и в исторической судьбе Сарского городища. С этого времени из племенного финно-угорского (мерянско-го) центра оно становится полиэтничным, многопрофильным ремесленным протогородом, и судя по находкам иноземных вещей как собственно на городище, так и в погребениях окружающих его курганных могильников, приобретает роль важного пункта в торговых связях между Русью, с одной стороны, и Востоком и Северной Европой — с другой, которая осуществлялась по Балтийско-Волжскому пути. На северо-западе своеобразными «воротами» в Скандинавию была Ладога, а на юге центром восточной торговли стал — Булгар. Особенно ярко это проявилось в следующем X столетии, когда Великий Волжский путь переживает период своего подъема.

4. В X веке развитие Сарского поселения отражает особый этап в формировании древнерусского общества, когда родо-племенное устройство общества сосуществует, правда, в острой борьбе, с нарождающимися раннефеодальными порядками. И эта сложная и противоречивая ситуация, а также весь переломный характер времени дают толчок и последнему подъему таких центров, каковым является в том числе и Сарское городище, которые впоследствии теряют свое значение и уступают свое место новым городам. В данном случае таковым является Ростов Великий. Собственно на территории нынешнего Ростова не найдено слоев IX—X веков и в связи с этим летописный Ростов следует отождествлять с археологически выявленным Сарским городищем.

5. Археологические исследования Ростова, весьма ограниченные, позволяют утверждать, что на его месте по берегу озера Неро при впадении реки Пижермы находилось мерянское поселение. Ростов XI—XII веков летопись называет «славным и многонародным городом». По весьма распространенному и достаточно обоснованному мнению археологов «в XI—XII веках русский Ростов распространяется к северу от побережья Неро. Его границы очерчивает сооруженный в ту пору ров и, вероятно, вал,

огромное полукольцо которого упирается в берег Неро». Можно полагать, что начало древнерусского Ростова относится к концу X—началу XI века. А в XI—XII веках он становится крупнейшим древнерусским феодальным городом, занимающим одно из ведущих мест среди важнейших городских центров Руси.

К началу XIII века Ростов значительно вырос. В это время здесь уже было три монастыря и письменные источники зарегистрировали, что во время пожара 1211 года в городе сгорело 15 церквей. Эти церкви, как полагает Н. Н. Воронин, были деревянные. В литературе о Ростове XIII века говорится как об обширном городе, окруженном ровом, наполненным водой, и деревянным тыном, сплошь застроенным деревянными домами. Тогда же появляются и первые каменные храмы. Вскоре город был укреплен валами и стенами с деревянными башнями. Посад, находившийся за пределами центра, был сформирован по кончанской системе. Территория города была плотно заселена.

6. При сравнении Ростова с Ладогой видны их ощутимые исторические различия. Ладога никогда не меняла своего местоположения, Ростов же возник на своем известном месте, вероятно, вследствие «переноса» города, что было характерно и для некоторых других древнерусских городов, таких как Новгород, Ярославль, Смоленск. Ладога являлась своеобразными торговыми воротами в заморские земли, ведущими первоначально из Северной Руси, затем Киевской державы, наконец Новгородской земли. Ростов тем временем стал крупным торгово-ремесленным центром большой земледельческой области. Что же касается начального развития обоих городов, то они будучи тесно связанными с местной разноэтничной средой, дали мощный толчок урбанизации своих регионов.

II. Уйно

ДРЕВНЯЯ КАРЕЛИЯ. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Задача исследования заключается в изучении истории поселений Карельского перешейка и северо-западного побережья Ладожского озера в период 1500 г. до н. э.—1500 г. н. э. Основываясь на данных археологии, изучение происхождения карелов рассматривается как междисциплинарная проблема, которая включает изуче-

ние истории, лингвистики и ономастики. Исследование также рассматривает влияние древней окружающей среды и контакты карелов с окружающими племенами. Таким образом, эта работа является первым всесторонним исследованием древних карелов.

Существование гипотетического протокарельского автохтонного населения эпохи раннего металла, восходящего к каменному веку, подтверждается археологическими данными и данными палеоэкологии. Это население можно соотнести с предполагаемым восточным протофинским языком. Недостаток археологических данных является результатом ограниченности раскопок и недостаточной изученностью керамики.

Предположение о колонизации Карелии с территории Западной Финляндии (700—1000 гг. н. э.) подтверждается археологическими и лингвистическими данными. Протокарелы и западные колонисты сформировали общность, которая названа мной прекарелы. Задачей западных колонистов являлся захват плацдарма в Ладожском регионе — аналогично походам на восток скандинавов.

Сопровождаемые богатым инвентарем погребения в колодах (1100—1300 гг. н. э.) — особенность карельской культуры и демонстрация ее социального статуса. Речь идет о погребениях тех карел, союзников Новгорода, которые упомянуты в письменных источниках. Они были вовлечены в разнообразные контакты, осуществлявшиеся через территорию Руси, Прибалтику и Северную Фенноскандию и имели определенную политическую и экономическую власть, основанную на торговле мехами и занятиях сельским хозяйством. Территориальное разделение на погосты в Корельской земле (Водская пятина Описной книги около 1500 года) было основано на группировке поселений позднего железного века.

В основе этнонима «карелы» лежит название населения района Кякисалми, имевшее точно такую же систему, как и другие финские группы торговцев.

Территории распространения поселений железного века характеризуются их тесной связью с водными путями и сельскохозяйственными угодьями с типами почв, которым соответствуют различные типы растительности.

Более подробные данные о древней Карелии изложены мной в докторской диссертации: Pirjo Uino. ANCIENT KARELIA — Archaeological studies, MUINAIS-KARJALA — Arkeologisia tutkimuksia. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 104. Helsinki 1997.

ДРЕВНЯЯ КАРЕЛИЯ В IX—XIII ВЕКАХ

Под древней Карелией понимается территория распространения археологических памятников летописной корелы. Эта зона включает в себя Карельский перешеек и северо-западное Приладожье вплоть до района г. Сортавалы.

Определившееся еще в раннем железном веке значение Карельского перешейка с его удобными водными путями как зоны промысловой охоты и проникновения в более северные богатые пушниной районы усилилось с наступлением эпохи викингов. Отличие здесь состояло в том, что не только изменились характер и организация торговли, но и в появлении на перешейке между Финским заливом и Ладогой центров постоянного населения и формировании местного рынка.

В первую половину эпохи викингов возникшие в предшествующую эпоху меровингов центры продолжают свое развитие, характерным для этого времени является наличие целого ряда воинских одиночных захоронений, по своему обряду и инвентарю относимых к западнофинским. Анализ инвентаря захоронений убеждает, что речь идет, вероятнее всего, о пришедших морем из Юго-Западной Финляндии аналогичных викингским группам, а не о продвижении волны западнофинских переселенцев через область Хяме к Ладого, как утверждает в финляндской исторической литературе. Эти группы хорошо вооруженных представителей суми русских летописей взяли под свой контроль водные пути Карельского перешейка, приняв участие в обслуживании проходивших через Ладогу путей транснациональной торговли, создавая тем самым и местный рынок. Их роль в Карелии сопоставима с ролью скандинавов на раннем этапе истории Руси. О включении западнофинских воинов в «Ладожский мир» говорит как набор предметов вооружения (мечи типов Н, Е и Х, наконечники копий типа Е, топоры типа С), так и интернациональный скандинавско-балтийско-финский набор украшений IX—X вв.

Во второй половине эпохи викингов население Карелии увеличивается; растет число могильников, а также количество совершенных на них захоронений, что указывает на формирование устойчивой поселенческой структуры и увеличение концентрации населения в определенных районах. Неслучайно, что к этому времени относятся и первые упоминания карел и Карелии в письменных (скандинавских) источниках. К XI веку Карелия уже стала существенной частью системы европейской торговли,

представляя собой как бы одну из вершин треугольника Готланд—Новгород—Карелия, с находящимися за ней богатыми пушнинной районами Севера. Характерно, что к этому столетию относятся все известные в Карелии ранние клады серебра. Состав монетных кладов указывает на то, что Карелия входила в древнерусскую систему денежного обращения.

Археологические материалы XII—XIII вв. свидетельствуют, что Карелия (летописная Корельская земля) в это время состояла из нескольких поселенческих центров, тяготеющих к нижнему течению Вуоксы и северо-западному Приладожью с их плодородными суглинистыми почвами. Карелы, таким образом, использовали все имеющиеся в их распоряжении факторы: удобные водные пути и выход на богатые пушнинной районы Севера, торговлю мехом и ценными породами рыб, а также пригодные для занятия земледелием почвы. К XIII в. все эти факторы заметно активизировали жизнь общества. В это же время в ключевых пунктах Вуоксинской системы создаются укрепленные городки: Кякисалми, Тиверский городок, Выборг, после чего Вуокса становится внутренней карельской водной артерией, объединяющей центры концентрации населения — ядра исторических погостов. В этой системе была и слабая сторона, которую хорошо понимали шведы; тот, кто завладел этими городками, станет обладателем всей Карелии. Новгород однако допустить этого не мог. Полученное в результате Невской битвы и последующих столкновений со шведами стратегическое равновесие было нарушено захватом шведами западной части Карелии. Угроза была слишком ощутимой и наступление шведов в Карелии, а также на Неве (1300 г.) было остановлено. Военная активность первой четверти XIV в. в Карелии и на Ладого не принесла ощутимых результатов ни одной из сторон. Стороны остановились на рубеже, изменить который было им не по силам. Выход был найден подписанием мира в незадолго до этого построенной новгородской крепости Орешек. Развитие в Карелии, разделенной на две части, отныне более зависело от обеих по-прежнему соперничавших сторон, чем от самих карел.

Е. П. Сорокин

ДРЕВНЕРУССКИЙ КОРАБЛЬ

Интерес к истории древнерусского судостроения появляется еще в XIX столетии, когда основным источником по этой проблеме были письменные свидетельства. Уже тог-

да исследователи обратили внимание на тот факт, что среди названий судов, упоминаемых в русских летописях встречаются как общеродовые термины, обозначающие судно вообще, такие как ладья и корабль, так и конкретные: струг, ушкуй, насад, шнека, лойва и др. Н. П. Загоскин справедливо отмечал, что названия корабль и ладья не являлись, однако, синонимами, если первое из них выступает как эпический — книжный термин, то второе употребляется более как разговорное. При этом было высказано предположение, что слово корабль, общее для многих славянских языков, восходит к глубокой древности и этимологически связано со словами короб и кора. И родство это не случайно, так как именно кора служила материалом для изготовления древнейших судов.

Изучение Новгородских и Псковских летописных сообщений (до конца XV в.) показывает, что термин корабль упоминается в них 11 раз — с 907 по 1475 год. При этом в восьми случаях можно констатировать, что это морское судно, в трех — озерное и в девяти — речное. В десяти ситуациях корабли используются в военных действиях и в одном случае как пассажирское средство передвижения. Неоднократно в летописях корабль упоминается в одних и тех же сообщениях вместе с другими судами и таким образом противопоставляется им. Трижды это ладья и по одному разу — насад, галей и каторга. И только в единичном случае он отождествляется с другим типом судна — со шнеком, когда в сообщении одни и те же суда называются попеременно то одним, то другим термином. Интересно, что в договорной грамоте Новгорода с Любеком и Готским берегом 1269 года, термину корабль в русском ее варианте соответствуют названия *soggeп* и *schere* в немецком, тогда как русские суда, использовавшиеся для обслуживания торговых коммуникаций северо-западной Руси, традиционно называются в договорных документах ладьями.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Псковских и Новгородских летописях термин корабль употребляется, в основном, для обозначения иноземных судов: византийских, фряжских и турецких на Черном море, а также шведских и немецких на Балтийском и связанных с ним внутренних бассейнах Северо-Запада — в Неве, Ладожском и Чудском озерах. Исключение составляют, упоминаемые в Новгородской пятой летописи, походы русских князей на Цареград в 907, 944 и 1041 гг. Интересно, что в византийских хрониках, описывающих эти же события, русские суда называются моноксилами, то есть однодревками. Единственное обозначение термином корабль —

судна, совершавшего исключительно речное плавание, со- держится в Новгородской V летописи — в сюжете, связан- ном с убийством князя Глеба под Смоленском. Вероятно, упоминание здесь рассматриваемого термина следует объ- яснять именно специфическим — эпическим характером этого сюжета. Именно в былинном эпосе о Садко и Соловье Будимировиче кораблями называются все крупные суда, плававшие по рекам Руси. К этому жанру примы- кает и надпись-поговорка конца XII—начала XIII вв. из новгородского Софийского собора, где также упомянут ко- рабль.

Судя по всему, термин корабль появляется в славянских языках в период общеславянского единства и тесных кон- тактов с Византией VI—VII вв. При этом первоначально он мог означать все крупные мореходные суда, включая и славянские, построенные на однодревной основе. Впо- следствие в средневековой Руси значение термина ко- рабль постепенно сводится, преимущественно, к обозначе- нию крупных дощатых иноземных морских судов, посе- щавших Русь — парусных или парусно-гребных. При этом большие, преимущественно гребные, суда обычно, назывались конкретными терминами — галера, каторга. Русские суда именуется термином корабль лишь в спис- ках Повести временных лет или в произведениях фольк- лорно-эпического жанра. Общеродовым разговорным тер- мином, обозначающим отечественные суда, включая и морские, на протяжении всего средневековья, выступает ладья.

На этом основании можно признать необоснованными предлагавшиеся ранее исследователями отождествления с корабельными ряда археологических деталей судов из Новгорода (Б. А. Колчин) и Старой Ладogi (В. П. Пет- ренко). В настоящее время с термином корабль среди ар- хеологических находок могут связываться железные зак- лепки, служившие для соединения бортовой обшивки до- щатых судов, известные из погребений и поселенческих слоев, стойка корабельного навеса из Старой Ладogi, а также граффити с изображениями судов из Ладogi и Пскова.

А. А. Селин

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ЛАДОЖСКОГО УЕЗДА

В конце XV в. вокруг Ладogi наблюдается чересполо- сица небольших владений. В этой части уезда, а также вдоль Волховских берегов преобладают небольшие вотчи-

ны. После конфискации 1478 г. в дворцовое ведомство были отписаны три волости Ладожского уезда. Одна из них — Порожская волость — реконструируется по описанию 1582 г.¹ Селения этой волости находились в районе Волховских порогов, непосредственно к югу от Михайловского погоста—места, по соседству с вотчинами новгородского владыки и Гостинопольского монастыря. Около 1560 г. Порожская волость была отписана в опричнину.² Две другие волости — Победище и Силосари — были в 1478 г. отобраны у Марфы Борецкой.³

Центр волости Победище находился в селе Горка, где в конце XV в. была выстроена Кузмодемьянская церковь. К моменту конфискации 1478 г. оно находилось в совместном владении Марфы Борецкой и некоего Федора Яковлевича Победицкого: во владении последнего находилась и часть волости Победище, а также и другие территории. С семьей Победицких связаны и иные важные обстоятельства землевладения в Ладожском уезде.

В Ладожском уезде удалось выделить две крупные группы домосковских землевладельцев, связанных родственными узами. В руках семьи Победицких на момент боярского вывода оказалось до половины всего уезда; другое крупное владение принадлежало в тот момент семье Сарских. Удалось идентифицировать пункты, давшие прозвища этим семьям. О прозвище Победицких сказано выше, Сарские получили свое прозвище от сельца Саря в Егорьевском Теребужском погосте.

Рассмотрим вопрос о социальной атрибуции данных семей вотчинников. Изучая материалы, связанные с боярином И. И. Лошинским, В. Л. Янин, вслед за Н. Мятлевым,⁴ приурочил появление его прозвища к Лошинскому стану Новоторжского уезда.⁵ В данном случае боярская степень владельца не вызывает сомнений. Но рассмотрим случаи с другими новгородцами с прозвищами, полученными по названиям их земель.

Они распадаются на три группы: очень крупные землевладельцы, вроде Победицких, Бологовских в Деревской пятине и др., владеющих территориями в один или несколько погостов; менее крупные, типа Сарских, Батинских в Шелонской пятине и пр., в чьем владении находились небольшие волости, часто расположенные в разных частях Новгородской земли (несколько примеров таких владений подробно рассмотрены В. Л. Яниным⁶); и третья группа, в большинстве своем сохранившая владения и в московскую эпоху, образовав категорию своеземцев.

В историографии существует мнение о сельском происхождении своеземцев, основанное на том, что фамиль-

ные прозвища последних происходят от названий сельских поселений. Однако среди «сведенных» новгородских землевладельцев очень многие носили такие фамильные прозвища. Если большая их часть до конфискаций, видимо, принадлежала к той же социальной группе, что и более поздние своеземцы (вероятно, житьи люди) и действительно могли иметь сельское происхождение (пусть даже такое «сельское происхождение» будет приписано Победицким, владевшим огромными территориями в Ладожском уезде), то все же и многие крупные бояре — Лошинский, Марфа Борецкая — имели прозвища, образованные от названий сельских поселений.

В руках Победицких к моменту боярского вывода оказалась значительная часть Ладожского уезда, причем, как в ее западной, «Водской», так и в восточной, «Обонежской» части ¹⁰ (в сер. XVI в. в Никольском погосте на Сяси известны «царя и великого князя деревни, что были Федоровские Победицкого»); они владели небольшими территориями в Заонежье ¹¹, в Ореховском ¹² и Новгородском ¹³ уездах; однако, ни один из Победицких не может быть соотнесен с известными нам новгородскими посадниками и даже тысяцкими. Принимая за доказанные положения В. Л. Янина о непополняемости новгородского боярства как социальной группы и о том, что «обладание крупными вотчинами не давало боярского титула» ¹⁴ следует признать в Победицких житьих — землевладельцев среднего ранга, но с огромными вотчинами. В то же время, компактность их владений и имена: Федор Яковлев Победицкий, Дмитрий и Семен Ивановы Победицкие, Микула Остафьев Победицкий, позволяют считать, что они — владельцы данных территорий в третьем или четвертом поколении; сложение же крупной вотчины в Ладожском уезде, принадлежавшей их общему предку, следует отнести, вероятно, к рубежу XIV и XV вв. Заметим также, что наибольшие волости в Ладожском уезде принадлежат одному землевладельцу этого рода, а именно — Федору Яковлевичу, владения же остальных членов семьи значительно меньше.

Похожая картина наблюдается и при рассмотрении землевладения семьи Сарских. Их земли располагались в Теребужском, ¹⁵ соседнем Лопском ¹⁶ погостах Водской пятины, Лосском, ¹⁷ Офремовском ¹⁸ погостах Шелонской пятины, Холынском погосте Деревской пятины, ¹⁹ Остречинском ²⁰ и Богоявленском на Сяси ²¹ погосте Обонежской пятины, а также на Двине ²². В писцовой книге Обонежской пятины 1583 г. в Богоявленском погосте на Сяси зафиксирована пустошь, что была деревня Усадище Гав-

риловское Сарского²³. Вероятно именно это селение было центральным в волостке, обозначенной в «Платежно-приходной книге Ладожского наместничества» сер. XVI в. в том же Богоявленском погосте как «царевы и великого князя деревни Гавриловские Карского»²⁴. Рядом, в том же погосте среди земцев мы находим черницу Офимью, Труфанову дочь Сарского.²⁵ Характерно, что другие Сарские — Степан Труфанов и Константин Труфанов владеют землями или одновременно в Ладожском и в других уездах (Степан), или только в других (Константин), тогда как Гаврило Сарский — землевладелец только Ладожского уезда, ему же принадлежала и деревня Саря Большой Двор в Егорьевском Теребужском погосте.²⁶ В. Л. Янин идентифицировал отца Степана и Константина Сарских. Это тысяцкий Трифон Юрьевич, участвовавший в 60-х гг. XV в., в передаче Двинских волостей великому князю и известный по акту 1459/60 г.²⁷ (среди землевладельцев Двинского уезда назван Степан Трифонов сын Сарский).²⁸ Таким образом, Гаврило Сарский должен быть, скорее всего, племянником Трифона Юрьевича, а отец Трифона (названного, кстати, Труфаном Сарским в «Списке Двинских земель» 70-х гг. XV века)²⁹ Юрий — владельцем значительной волости на западе Ладожского уезда и на правом берегу Волхова. Важно отметить, что Трифон Сарский назван тысяцким. Должность тысяцкого могла замещаться как боярами, так и жителями; занимающий же должность являлся выразителем интересов житей в Новгородском государстве; так что здесь социальная атрибуция достаточно очевидна (учитывая, что представителей фамилии Сарских мы также не находим среди бояр).

Победицкие и Сарские как в Обонежской, так и в Водской пятине постоянно являются соседями по вотчинам; не исключены и какие-то родственные связи между этими фамилиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подлинная писцовая книга Водкой пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582 // РГАДА, ф. 1209, д. 958, л. 480—482.
2. Платежные книги Водской пятины // РГАДА, ф. 1209, д. 17142, л. 113.
3. *Самоковсов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII столетий. Т. 2 Ч. 2. М., 1908. С. 89—90.
4. *Мятлев Н.* Родство Квашиных с новгородцами // Известия Русского генеалогического общества, СПб., 1909. Вып. 3, с. 36—60.

5. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 110.
6. НПК, т. 1. СПб., 1851. Ст. 112, 115, 116.
7. НПК, т. 4. СПб., 1886. Ст. 200—201.
8. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 158—181.
9. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 55.
10. Самоквасов Д. Я. Платежно-приходная книга Ладожского наместничества. Ук. соч. Т. 1, ч. 2. С. 184
11. Писцовые книги Оболенской пятины // Материалы по истории народов СССР. М., 1930. Ст. 59, 103.
12. Подлинная писцовая книга Водской пятины... С. 281—282.
13. НПК, т. 3. Ст. 414—415.
14. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина... С. 213.
15. Подлинная писцовая книга Водской пятины... С. 55—56, 77.
16. Там же, 271—273; 275—276.
17. НПК, т. 5. СПб, 1905. Ст. 53.
18. НПК, т. 4. Ст. 344.
19. НПК, т. 2. СПб, 1862. Ст. 496.
20. Писцовые книги Оболенской пятины... Ст. 105.
21. Подлинная писцовая книга поместных, монастырских и церковных земель Оболенской пятины Заонезской половины письма и дозора А. В. Плещеева и подьячего С. Кузмина. 5Л. 223 об.
22. Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. Приложение. С. 453—462.
23. Подлинная писцовая книга поместных, монастырских и церковных земель Оболенской пятины Заонезской половины письма и дозора А. В. Плещеева и подьячего С. Кузмина. Л., 230 об., 231.
24. Самоквасов Д. Я. Архивный материал... Т. 1. Ч. 2. С. 183.
25. Там же, с. 184.
26. Подлинная писцовая книга Водской пятины... С. 77.
27. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина... Ук. соч. т. 100.
28. Аграрная история Северо-Запада России. Конец XV — первая половина XVI в. Л., 1971. С. 284. На родственную связь Степана и Трифона Сарских указывал в свое время А. И. Копанев. См. Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения... С. 445.
29. Краткий список Двинских волостей, принадлежавших великому князю московскому, с указанием управлявших ими московских кормленщиков и обид, причиненных новгородцами. 1471, 25 марта // АСЭИ. Т. 3. М., 1964. С. 31, № 15.

Н. В. Малышева

БОТАНИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

Изучение современной флоры и сравнение ее с археологическими данными позволяют выявить произошедшие за века изменения. В этом отношении материалы Староладожской экспедиции являются весьма ценными и интересными.

При изучении современной флоры в 1996 г. нами на территории Земляного городища было выявлено 77 видов высших растений, среди которых 8 видов — древесных, 5 кустарниковых и 64 травянистых. Среди древесных следует указать липу, березу, рябину, вишню, черемуху, тополь берлинский и два вида ив. Кустарники представлены бузиной, сиренью, малиной, черной смородиной, желтой акацией. Среди травянистых растений преобладают представители семейства сложноцветных (10 видов), злаков (9), бобовых (7), розоцветных (6). Большинство видов (74, или 96%) являются представителями дикорастущей местной флоры. Тополь берлинский, желтая акация и сирень, декоративные растения появились здесь не ранее XIX века. Среди травянистых растений преобладают сорно-рудеральные (34 вида, или 53%), затем идут луговые (24, или 37%), значительно меньше лесных (5, или 8%) и прибрежных (1, или 2%). Это согласуется с данными В. А. Петрова (1945, с. 43), изучавшего растительные остатки Земляного городища в культурных слоях IX—X вв., о преобладании сорно-рудеральных и луговых растений в то время. Сравнительный анализ современной флоры и фоссилий (Петров, 1945, с. 43; Аалто, Хейнай-оки, 1997, с. 38, 39) показал, что среди 22 видов, известных из слоев IX—X веков, выявлено 20 существующих ныне видов, не обнаружены лишь воробейник лекарственный и чистец болотный, которых и в археологических материалах было мало. Таким образом, в общей сложности третья часть современных растений обитает здесь уже тысячу лет, а коэффициент общности флор Сьеренсена—Чекановского составляет 46,5%. Доля лекарственных (27%), пищевых (20%) и кормовых (17%) растений в современной флоре большая, чем в средневековой, зато сорняки преобладают в обеих. Любопытно, что известный путешественник А. Олеарий, посетивший Ладогу в 1634 г. обратил особое внимание на малину, которой и тогда, и сейчас много в этих местах.

Помимо высших растений нами изучались лишайники, которые являются индикаторами для урбанизированных территорий. Собрано 47 образцов и выявлено 20 видов, среди них 11 видов листоватых, 8 накипных и 1 кустистый. Обнаружены повреждения слоевищ *Parmelia sulcata* и почернение *Hypogymnia physodes*, что говорит о воздействии загрязнителя (дыма) на них. Лишайники растут на коре деревьев и кустарников (липа, вяз, тополь, бузина) (10 видов), на гниющей древесине (10), на железобетонных столбах (9). Наиболее часто встречаются *Xanthoria parietina*, *Physcia stellaris*, *Phaeophyscia orbicularis*, *Par-*

melia sulcata, *Lecanora hagenii*. Большая часть видов (75%) являются нитрофилами, т. е. поселяются в местобитаниях, богатых азотом, что связано с жизнедеятельностью человека. В целом найденные лишайники очень характерны для городских условий, исключение составляет лишь единственный кустистый вид *Evernia prunastri*, более характерный для лесов. Таким образом, наличие многих синантропных видов лишайников указывают на давнюю заселенность этого места.

ЛИТЕРАТУРА

Аалто М., Хейнайоки Х. Растительность и окружающая среда Старой Ладogi в эпоху викингов // Древности Поволжья. СПб, 1997. С. 31—41.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб, 1906. 582 с.

Петров В. А. Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладogi (IX—X век) // КСИИМК. Вып. XI. 1945. С. 42—51.